

В. Д. ВОЗНЕСЕНСКИЙ

ДЕВЯТОЕ СЕНТЯБРЯ 1944 г. В БОЛГАРИИ *

СПЕШНАЯ МИССИЯ В КАИР

24 августа 1944 г., когда советские войска завершили окружение немецко-фашистской группировки под Яссами и Кишиневом, министр иностранных дел Англии А. Иден «выразил, — по словам американского посла в Лондоне, — свою большую заинтересованность» в том, чтобы «поспешить с выводом Болгарии из войны»¹. Английский посол в Турции Х. Нэтчбулл-Хьюгессен вспоминает: 25 августа, приехав в курортное местечко на побережье Мраморного моря с намерением отдохнуть, он тут же получил категорическое предписание разыскать «джентльмена из Болгарии», с которым вел несколько дней назад переговоры о выходе Болгарии из войны, и срочно переправить его в Каир для продолжения переговоров². Но, как вскоре выяснилось, «джентльмен из Болгарии» уехал в Софию, хотя и обещал английскому послу оставаться в Турции до тех пор, пока ему не понадобится. Нэтчбулл-Хьюгессен сообщил об этом в Лондон. Тотчас же пришло указание «использовать все, чтобы ускорить возвращение» болгарского эмиссара в Турцию для последующей быстрой переброски его в Каир.

27 августа обескураженный Нэтчбулл-Хьюгессен поделился своими заботами с американским послом в Анкаре, которого эта проблема тоже волновала. Еще утром 26 августа его пригласил к себе сильно обеспокоенный премьер-министр Турции и зачитал телеграмму турецкого посла в Софии. В ней говорилось, что этой ночью П. Драганов попросил сообщить в Анкару следующее: «Русские приближаются к устью Дуная. Это не в интересах ни Болгарии, ни Турции. Англичане и американцы слишком медлят. Чтобы достигнуть взаимопонимания, сейчас необходима быстрота. Болгары рассчитывают на поддержку и дипломатическое вмешательство Турции»³. Об этом призыве болгарских правителей турецкий премьер-министр сообщил, по-видимому, и английскому послу.

После совещания с американским дипломатом Нэтчбулл-Хьюгессен связался с болгарским полномочным министром в Анкаре Н. Балабановым, настаивая на срочном возвращении в Турцию болгарского представителя. «Там очень заспешили», — записал 28 августа в дневнике регент Б. Филев. Планы англо-американской дипломатии совпадали и с намерениями болгарских правителей. Они также пришли к выводу, что «необходимо спешить». Столь явное единодушие правящих кругов государств, находившихся в состоянии войны друг с другом, обуславливалось их классовой солидарностью в борьбе с усиливавшимся народно-освободительным движением в Болгарии, общим стремлением сохранить ее в системе капитализма.

* Окончание. Начало см. в предыдущем номере нашего журнала.

¹ «Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1944» (далее — FR, 1944), vol. III. Washington, 1965, p. 367—368. В декабре 1941 г. монархо-фашисты объявили состояние войны с США и Англией. Они помогали гитлеровской Германии в войне с СССР, но не решались, однако, порвать дипломатические отношения с ним.

² Н. К n a t c h b u l l - H u g e s s e n. *Diplomat in Peace and War*. London, 1949, p. 204.

³ FR, 1944, vol. III, p. 370.

В результате совместных усилий «джентльмен из Болгарии» вернулся 29 августа в Турцию. Им был бывший председатель XXIV Народного собрания С. Мошанов, выдвинутый в марте 1938 г. на этот пост царем Борисом, но затем, летом 1939 г., открыто разошедшийся с ним и правительством по вопросу о внешнеполитической ориентации страны (Мошанов отражал точку зрения части правительственного большинства в XXIV народном собрании, выступавшей за сближение с западными «демократиями», против союза с гитлеровской Германией). В течение нескольких лет Мошанов как политик пребывал в тени. В январе 1944 г. о нем вспомнил И. Багрянов, которого князь Кирилл, напуганный приближением военного краха «третьего рейха», доверительно попросил разведать возможность отхода Болгарии от гитлеровского блока. Багрянов, хорошо знавший Мошанова — и как своего более удачливого конкурента при баллотировке на пост председателя XXIV народного собрания, и как деятеля, способствовавшего ему впоследствии в получении министерского кресла, — считал целесообразным проконсультроваться с ним по этому вопросу. Мошанов согласился вступить в контакт с представителями западных держав. Однако акция Багрянова не получила дальнейшего развития, ибо его планы шли дальше, чем этого хотелось в тот момент князю Кириллу и другим регентам. Болгарские правители, боявшиеся санкций со стороны гитлеровцев, были готовы тогда лишь на поддержание неофициальных связей с западными державами с целью выяснить их намерения в отношении Болгарии и добиться прекращения разрушительных бомбардировок англо-американской авиацией Софии и других болгарских городов.

Спустя несколько недель после образования кабинета Багрянова Мошанов обратился к новому премьер-министру с письмом, в котором напомнил ему о беседах зимой, подчеркнув при этом: «Германия стоит на пороге разгрома. Нехорошо наносить ей в такой момент удар в спину, но наш долг прежде всего сохранить Болгарию, ибо, делая свои будущие военные и политические ходы, дабы спасти то, что еще можно, Германия никогда не задастся вопросом: «А что произойдет с Болгарией?»»⁴.

Письмо Мошанова совпало с заявлением У. Черчилля 19 июня 1944 г. в палате общин о том, что Болгарии «остается мало времени, чтобы избежать новой национальной катастрофы, после которой трудно будет снова встать на ноги». В тот же день Багрянов и Драганов пригласили к себе Мошанова и предложили ему вступить в неофициальный контакт с англичанами, чтобы «уведомить их о намерении правительства, когда созреют условия, вывести Болгарию из состояния войны с Англией и Соединенными Штатами»⁵. Однако Мошанов, выяснив в ходе беседы, что Багрянов и Драганов приняли это решение без ведома регентов и остальных министров, запротестовал против такого слишком конспиративного способа действий. Но, как заявили собеседники Мошанова, они при сложившихся в правящих кругах условиях по-другому поступать не могли. Лишь после покушения на Гитлера Багрянов и Драганов рискнули завести разговор на эту тему с князем Кириллом. И, наконец, после разрыва Турцией 2 августа отношений с Германией и повторного заявления Черчилля на следующий день о необходимости для Болгарии без промедления выйти из войны этот вопрос был поставлен перед регентами.

Как отмечалось ранее, внешнеполитическое положение монархо-фашистской клики в начале августа 1944 г. было таково, что мало кто из ее представителей сомневался в целесообразности предварительных переговоров с западными державами об условиях перемирия. Даже ярый германофил Филов не стал возражать против этого. 6 августа регенты одобрили решение послать Мошанова в Турцию для установления связи с английским послом, с которым болгарский эмиссар был лично знаком. Но поначалу перед Мошановым ставилась весьма ограниченная задача. «Речь идет не об измене [Германии], — записано 6 августа в дневнике Драганова, — а о контактах с целью объяснения [позиции] и достижения договоренности о том, чтобы Болгария по возможности не была превращена в театр военных действий»⁶.

9 августа Мошанов, как частное лицо, под именем торговца шелком Копринарова отбыл в Турцию для изучения «рыночной конъюнктуры». Стремление окутать тайной

⁴ Архив БАН. Спомени на С. Мошанов, ч. III, л. 9 (микрофильм).

⁵ Там же, л. 10.

⁶ Архив БАН. Дневник на П. Драганов, л. 31 (микрофильм).

миссию Мошанова, вызванное все той же боязнью санкций со стороны гитлеровцев, побудило Драганова скрыть этот факт от тайной полиции, тесно связанной с гитлеровской агентурой. Но это дало лишь обратный результат. При проверке документов на пограничном таможенном пункте в Свиленграде Мошанов был опознан и задержан почти на сутки полицейским чиновником, действовавшим под контролем располагавшейся тут же службы гестаповцев. Установив личность Мошанова, они, однако, не смогли разузнать истинную цель его поездки.

Происшедший инцидент, отметил в воспоминаниях Мошанов, ярко характеризовал «унизительное положение, в которое была ввергнута наша оккупированная страна. Меня смущало и то обстоятельство, что новая власть [т. е. правительство Багрянова] ничего не предприняла, чтобы поставить немцев в рамки договоренности относительно сохранения нашего государственного суверенитета. А как же она решится порвать с ними, что составляло конечную цель моей миссии? Эти волнующие мысли сделали бессонной ночь, проведенную мной на болгарской границе»⁷. Лишь после вмешательства высших болгарских властей Мошанов смог продолжать свой путь.

В Турции ему, наоборот, сразу же повезло. В поезде, следовавшем из Стамбула в Анкару, он случайно узнал, что в соседнем купе едет советник английского посольства. Мошанову удалось представиться ему и объяснить цель своей миссии. Английский дипломат обещал информировать об услышанном Нэтчбулл-Хьюгессена, но предупредил, что если Мошанов не имеет официальных полномочий от болгарского правительства, то посол вряд ли согласится принять его. Болгарскому эмиссару по прибытии в Анкару пришлось срочно сообщить в Софию о возникшем затруднении.

Оттяжка переговоров с США и Англией из-за отсутствия у Мошанова официальных полномочий нарушала политические комбинации монархо-фашистов. Поэтому им пришлось немедленно предоставить ему требуемые полномочия. В первоначальные планы болгарских правящих кругов, таким образом, были внесены непредвиденные коррективы. «Когда я выезжал из Софии, — пишет Мошанов, — ни правительство, ни я не предполагали, что моя поездка, носящая лишь осведомительный, личный характер, столь быстро превратится в официальную акцию»⁸.

Утром 16 августа Нэтчбулл-Хьюгессен принял Мошанова в здании английского посольства. Хорошо представляя себе политическое лицо Мошанова не только по его антигерманскому демаршу летом 1939 г., но и по обстоятельным беседам с ним в мае 1940 г. во время визита в Болгарию, Нэтчбулл-Хьюгессен не мог не сознавать, что имеет дело с весьма подходящим болгарским политическим деятелем для переговоров с западными державами. Он любезно встретил Мошанова.

В соответствии с полученной из Форин оффис инструкции английский посол должен был только выслушать болгарского эмиссара, заранее предупредив его, что все сказанное им будет сообщено СССР и США (решение Московской конференции министров иностранных дел трех держав в 1943 г. обязывало союзников информировать друг друга о всех предложениях мира со стороны держав «оси» и их сателлитов)⁹. Последнее обстоятельство, несомненно, грозило затруднить проведение линии Багрянова — Драганова, рассчитывавших, как мы знаем, сыграть на противоречиях в антигитлеровской коалиции. Однако в ходе беседы у Мошанова создалось впечатление, что англичане преследуют на Балканах помимо военных и иные цели. Так, Нэтчбулл-Хьюгессен, услышав от Мошанова, что наиболее приемлемый срок выхода Болгарии из войны — начало сентября (в данном случае болгарский эмиссар, по его признанию, импровизировал), тотчас подал реплику: «Это очень долгий срок. Посоветуйте Вашему правительству поспешить. На Балканах назревают события, которые могут Вас опередить и сделать беспредметной Вашу акцию»¹⁰. Этот весьма прозрачный намек на вероятность продвижения Советской Армии в глубь Балкан побудил Мошанова «проверить, насколько строго корректность Хьюгессена по отношению к своим союзникам». Он попросил его пока не сообщать союзникам о беседе с ним, чтобы дать возможность болгарскому правительству самому информировать советских представителей о предпринимаемых Болгарией действиях.

⁷ Архив БАН. Спомени на С. Мошанов, ч. III, л. 29.

⁸ Архив БАН. Спомени на С. Мошанов, ч. III, л. 35.

⁹ FR, 1944, vol. III, p. 358.

¹⁰ Архив БАН. Спомени на С. Мошанов, ч. III, л. 34.

Нэтчбулл-Хьюгессен, конечно, не мог поступать вразрез с полученными из Лондона инструкциями, но предложение Мошанова показалось ему заманчивым. «Болгарское правительство, — рассуждал он вслух, — должно делать все возможное, дабы не вызвать своими действиями ответных акций со стороны России»¹¹. Иными словами, Болгария должна как можно дольше оставаться страной, не находящейся в состоянии войны с СССР, что, естественно, помогло бы западным державам использовать это обстоятельство в качестве политического барьера на пути победоносного продвижения Советской Армии. Поэтому английский посол не постеснялся дать слово Мошанову выждать два дня, хотя и не собирался держать его.

Вообще английская дипломатия, стремясь подтолкнуть монархо-фашистскую клику к скорейшему выходу из войны, нисколько не препятствовала распространению информации о миссии Мошанова, даже несмотря на просьбу последнего о сохранении ее в полной тайне, «ввиду опасности репрессий со стороны германского гестапо в отношении его семьи, оставшейся в Болгарии»¹². Переехавшего из Анкары в Стамбул Мошанова, где он должен был дожидаться ответа из Лондона, стали осаждать турецкие журналисты, желая узнать об истинных целях его приезда. Турецкие и английские газеты в эти дни открыто писали, что прибытие в Анкару бывшего председателя народного собрания Болгарии истолковывается как «официальная попытка Болгарии выйти из войны». О том же сообщало и лондонское радио. 19 августа 1944 г. со ссылкой на его передачи А. Цанков в народном собрании поставил перед правительством вопрос ребром: «Если он [Мошанов] не находится там [в Турции] с какой-то миссией, скажите это. Если же да, и если промолчите, и не скажете ничего, мы поймем, ибо молчание всегда было знаком согласия»¹³. У правительства Багрянова не хватило духа ни опровергнуть распространившиеся за рубежом сообщения о миссии Мошанова, ни подтвердить их. Пожалуй, единственным результатом огласки англичанами миссии Мошанова было укрепление решимости гитлеровцев произвести правительственный переворот в Болгарии, поставив у власти открыто прогерманский кабинет ярого фашиста Цанкова. Только успешное наступление Советской Армии под Яссами и Кишиневом помешало гитлеровцам осуществить этот замысел.

В дни, когда Мошанов в ожидании ответа из английского посольства с трудом отбивался от надоедливых журналистов, английская дипломатия совместно с американской форсировали подготовку условий перемирия с Болгарией. Они оказались весьма жесткими. В частности, в подготовленном проекте соглашения о перемирии (§ 4) фиксировалось право верховного союзного командования «свободно перемещать по всей болгарской территории свои силы за счет Болгарии, если военная ситуация потребует этого, или если болгарское правительство окажется не в состоянии выполнить какое-либо из условий перемирия»¹⁴. Это означало, что западные державы могут в подходящий для себя момент оккупировать болгарскую территорию. Тяжелыми для страны были и другие условия перемирия.

Их разработка завершилась 25 августа. Именно в этот день английский посол в Анкаре получил из Лондона предписание срочно возобновить переговоры с болгарским эмиссаром. Но тот, как отмечалось выше, неожиданно исчез.

Скоропалительный отъезд Мошанова из Турции был вызван вестью о выходе Румынии из войны. Столь резкое изменение военно-стратегической обстановки на Балканах, конечно, не могло не сказаться на миссии Мошанова. Продолжать ли в этих условиях ее выполнять или сделать перерыв? Мошанов принял второе решение, руководствуясь, судя по его воспоминаниям, следующим мотивом: «Необходимо... покончить с их [переговоров] конспиративным характером и сделать просьбу о перемирии публичным достоянием. Разрыв с немцами диктуется военной обстановкой. Если мы их не обезоружим, не интернируем или не выдворим из своей страны, то Красная Армия вступит на территорию Болгарии, чтобы осуществить это... Из последней речи Драганова [22 августа 1944 г.] явствует, что он надеется обезоружить Советы с помощью лас-

¹¹ Там же, л. 35.

¹² Архив БАН. Спомени на С. Мошанов. ч. III, л. 32—33.

¹³ «Стенографски дневници на XXV обикновено народно събрание» (далее — СД XXV ОНС), VII извъредна сесия, стр. 55.

¹⁴ FR, 1944, vol. IV. Washington, 1966, p. 201.

ковых слов. Не слова, а быстрые дела нужны. Я верил, что, возвратясь в Софию, смогу повлиять на выработку решений в этом духе»¹⁵.

Но Багрянов и Драганов, как мы знаем, считали, что для предотвращения вступления Советской Армии на территорию Болгарии пока достаточно объявления нейтралитета (разумеется, прогерманского). Багрянов убедил Мошанова не излагать полностью свою точку зрения перед регентским советом, особенно в присутствии Филова, который «еще верит в победу немцев, выступает за нейтралитет, чтобы выиграть время, и намеревается все сказанное мною [Мошановым] сообщить немцам». «Я не хочу,— продолжал Багрянов,— давать в руки Филова козыри, ибо он и без того взбешен из-за моей последней речи»¹⁶.

Следуя рекомендации Багрянова, Мошанов на приеме у регентов не стал говорить о разрыве отношений с Германией, как наиболее радикальной, по его мнению, политической мере, позволившей бы предотвратить вступление Советской Армии на болгарскую территорию. Но вместе с тем он счел целесообразным передать регентам дословно совет английского посла. «Хьюгессен,— записал в дневнике Филов после доклада Мошанова,— советовал нам поспешить [с заключением перемирия], дабы предотвратить вступление русских войск в Болгарию, и по этой причине Ст. Мошанов прибыл [в Болгарию], чтобы нас предупредить»¹⁷.

При содействии Драганова (и с ведома Багрянова) Мошанов также встретился вечером 26 августа наедине с князем Кириллом и высказался на сей раз с полной откровенностью. «Почему бы Вам не последовать примеру [румынского] короля Михая?.. Ваша личная судьба и судьба всей династии в Ваших руках». Но князь Кирилл был непреклонен: «Не могу дать согласие на то, чтобы мы проявили инициативу в разрыве отношений с немцами». Ссылками на невозможность «измены» он пытался прикрыть свою политическую беспомощность в переломный для Болгарии момент¹⁸.

Обескураженный Мошанов заявил Багрянову и Драганову по окончании аудиенции у князя Кирилла: «Что было в моих силах, я сделал, желая вам помочь. Но у меня несчастливая рука. Позвольте мне теперь отправиться домой»¹⁹. Однако Мошанову недолго пришлось побыть в домашнем кругу. Не истекли и сутки, как он снова потребовался болгарским правителям. Получив днем 27 августа телефонограмму со срочным вызовом, он рано утром 28 августа выехал из Мездры, где находилась его семья, в Софию.

Августские дипломаты, а заодно с ними и болгарские правители еще больше заспешили. Ведь советские войска, расширяя внешнее кольцо окружения вражеской группировки под Яссами и Кишиневом, 26—27 августа стремительно двинулись в центральные районы Румынии и к румыно-болгарской границе. Быстрое продвижение Советской Армии в глубь Балкан становилось фактором, определявшим военно-политическое положение в этом районе. Одновременно все четче вырисовывалось намерение правящих кругов Англии и США использовать заключение перемирия с Болгарией не столько в интересах скорейшего развала фашистского блока и окончания войны, сколько с целью создать политическую преграду на пути Советской Армии, помешать слиянию ее победоносного наступления с народно-освободительной борьбой в Болгарии.

Складывавшаяся на Балканах военно-политическая обстановка диктовала необходимость во имя коренных интересов болгарского народа немедленно разорвать союз с фашистской Германией и смело повернуть к сотрудничеству, прежде всего с теми антигитлеровскими силами, которые сражались с немецко-фашистскими войсками непосредственно на Балканах. Такой силой в первую очередь была Советская Армия. «Болгарский народ и его вооруженные силы должны решительно перейти на сторону Красной Армии, армии-освободительницы Болгарии от немецкого ига»,— подчеркивалось в директиве Г. Димитрова, направленной 27 августа руководителям народно-освободительной борьбы в Болгарии²⁰. В тот же день радиостанция «Христо Ботев», харак-

¹⁵ Архив БАН. Спомени на С. Мошанов, ч. III, л. 44.

¹⁶ Там же, л. 45, 47.

¹⁷ ЦДИА, ф. 456, оп. 1, а. е. 12, л. 64 (микрофильм).

¹⁸ Архив БАН. Спомени на С. Мошанов, ч. III, л. 53—54.

¹⁹ Там же, л. 57.

²⁰ Г. Д и м и т р о в. Избр. произв., т. II. М., 1957, стр. 35—36.

теризуя попытки монархо-фашистского правительства вести переговоры с Англией и США, а также его заявление о нейтралитете Болгарии как вынужденные, отмечала, что болгарский народ «не может удовлетвориться этими вынужденными полумерами правительства, принятыми с целью выиграть время, чтобы спасти прогерманскую фашистскую клику и антинародный режим в стране. Народ борется,— говорилось далее в этой радиопередаче,— за незамедлительный, открытый, решительный и полный разрыв с Германией и за искреннюю и последовательную ориентацию Болгарии на сторону союзников. Народ борется за активное сотрудничество болгарской армии с народно-освободительной армией Югославии и с Красной Армией Советского Союза, за окончательную ликвидацию германских оккупационных частей на Балканах»²¹.

Возникла к тому же реальная возможность для Болгарии просить Советский Союз о посредничестве в переговорах о заключении перемирия с Англией и США. 1 сентября 1944 г. болгарский полномочный министр в Турции сообщал: «Сегодня видел советского посланника. Он считает необходимым обратиться к их посредничеству... Он думает, что условия, которые нам предложат англо-американцы, будут более тяжелыми, чем условия, готовящиеся для Румынии». «Спорные вопросы... — доносил тремя днями раньше советник болгарского посольства, ссылаясь на слова советского посланника,— были бы урегулированы, если бы Болгария прибегла к посредничеству Советской России»²².

О целесообразности обращения к Советскому Союзу за посредничеством ставили вопрос в эти дни и некоторые представители буржуазной оппозиции. В условиях близости Советской Армии к болгарской границе, объяснял один из них Мошанову, такой шаг был бы «более политичным»²³. Но правящая монархо-фашистская клика, обьятая страхом перед коммунизмом, предпочла ускорить заключение перемирия только с Англией и США, надеясь с помощью этой меры сохранить существующий строй в стране. Начался второй этап миссии Мошанова.

Вечером 29 августа болгарский эмиссар вновь прибыл в Стамбул, где сразу же встретился с английским послом. Чувство облегчения, охватившее было Нэтчбулл-Хьюгессена в первый момент, быстро исчезло, ибо выяснилось, что Мошанов приехал один и пока даже не может назвать остальных членов делегации. «Точный ее состав будет определен в Софии сегодня. Я поспешил в Стамбул,— оправдывался Мошанов,— чтобы мое отсутствие не истолковывалось отрицательным образом»²⁴. А ведь на следующий день утром, как заявил английский посол, специально подготовленный самолет должен был доставить болгарскую делегацию в Каир.

Ее формирование непредвиденно для всех оказалось делом трудным. Возвратившись в болгарское консульство, Мошанов узнал, что, пока он беседовал с английским послом, из Софии по телефону сообщили утвержденный правительством состав делегации. Но двое из трех назначенных в помощь Мошанову делегатов тут же увильнули под разными предлогами от выполнения столь тяжелой, как им казалось, миссии. Лишь болгарский военный атташе в Турции полковник Д. Желязков, да и то после дополнительных разъяснений из Софии, рискнул присоединиться к Мошанову. Но это была не единственная неожиданность, с которой болгарский эмиссар столкнулся в Стамбуле.

В еще большей степени его ошеломил эпизод, охарактеризованный им самим как «американская сенсация». На нем следует остановиться подробнее, ибо он, судя по всему, повлиял на поведение Мошанова в Каире.

Поздно вечером 29 августа к Мошанову пришел болгарский предприниматель Г. Киселов, поддерживавший с ведома болгарского правительства неофициальные контакты с американскими представителями в Турции, и сообщил, что его американский контрагент К. Блэк, бывший директор американского колледжа в Болгарии, долгое время проживавший там и даже женившийся на болгарке, хочет встретиться с болгарским эмиссаром, чтобы передать ему «нечто чрезвычайно важное для Болгарии». На следующее утро незадолго до вылета Мошанова в Каир эта встреча, в которой приняли участие также военный атташе США и американский консул в Стамбуле, состоялась в доме Блэка. Поскольку события на Балканах развиваются «с неожиданной для

²¹ «Говори радиостанция «Христо Ботев», т. 7. София, 1951, стр. 232—233.

²² АВПР, фонд микрофильмов, нег. 655, поз. 9, ф. 296, д. 36, л. 50, 5.

²³ Архив БАН. Спомени на С. Мошанов, ч. III, л. 60.

²⁴ Архив БАН. Спомени на С. Мошанов, ч. III, л. 69.

западных союзников быстротой», заявил Блэк, то предложение болгар о заключении перемирия становится уже запоздалой акцией. «Теперь это было бы авантюрой», ибо в условиях близости Советской Армии к Болгарии создало бы «повод для раздоров между союзниками, чего американцы не желают». Блэк внушал Мошанову, что в интересах Болгарии, ссылаясь на отсутствие вызванного в Вашингтон американского посланника при греческом эмигрантском правительстве в Каире, оттянуть начало переговоров по крайней мере на неделю, до возвращения последнего в Каир. А за это время «многие вопросы прояснятся». «В данный момент,— заключал Блэк,— демонстративный разрыв с немцами был бы более полезным для болгарского правительства ходом, чем заключение перемирия»²⁵.

Крайне удивленный тем, что «американские официальные лица берут на себя ответственность высказывать советы, противоречащие намерениям и действиям своего союзника [т. е. англичан]», Мошанов пожелал уточнить, с чьего ведома даются эти советы. Перебросившись несколькими фразами с военным атташе, Блэк в ответ сказал: «Мой соотечественник, военный атташе, хочет, чтобы Вы знали, что эта встреча, которая является абсолютно конфиденциальной и на которую он согласился благодаря моим уверениям в том, что на Вас как государственного деятеля можно положиться, состоялась с его согласия и сказанное мною обсуждалось предварительно между нами двумя. Вы сами должны оценить значение всего услышанного. Этим поступком мы служим интересам своего государства, но считаем, что он принесет пользу и вам»²⁶.

Покидая американское консульство, Мошанов и сопровождавший его Киселов условились придерживаться такой версии о состоявшейся встрече: «Американского военного атташе интересовало положение американских военнопленных в Болгарии, а Блэк сообщил оптимистические сведения о позиции американского правительства по отношению к Болгарии». Эта версия и была зафиксирована в докладе — дневнике, начатом накануне Желязковым²⁷.

В 1965 г. появилась американская публикация дипломатических документов о заключении перемирия с Болгарией в 1944 г. Среди них имеется и донесение консула США в Стамбуле от 30 августа, присутствовавшего на беседе с Мошановым. В нем подтверждается сам факт этой беседы, подробно излагается все сказанное болгарским эмиссаром (мотивы возвращения в Стамбул, характеристика членов болгарской делегации, внутривнутриполитических и внешнеполитических мероприятий болгарского правительства, оценка позиции СССР по отношению к Болгарии и т. д.), но нет ни слова о сепаратных советах американцев Мошанову²⁸.

По мнению болгарского историка И. Димитрова, не исключено, что составители американской публикации умышленно опустили из донесения консула заявление Блэка, ибо оно уличает американскую дипломатию в неloyальном отношении к англичанам. Димитров полагает также, что «заявление Блэка, если оно имело место, носило личный характер и было вызвано как его личным отношением к Болгарии, так и известной тенденцией американской дипломатии военного времени избегать резких разногласий с Советским Союзом»²⁹.

Необходимо, однако, уточнить, что Блэк, хотя и был, вероятно, инициатором встречи с Мошановым, говорил все же не только от своего имени, но и с согласия военного атташе и консула США. Следовательно, акция американских дипломатов в Стамбуле не была исключительно личным делом Блэка. Скорее всего они, не имея достаточного времени на согласование задуманных действий с госдепартаментом (ведь англичане крайне торопились отправить Мошанова в Каир), поступали на свой страх и риск. Именно так можно понимать подчеркивание Блэком «абсолютной конфиденциальности» встречи. Но американские дипломаты при этом были убеждены, что «служат интересам своего государства».

²⁵ Архив БАН. Спомени на С. Мошанов, ч. III, л. 73.

²⁶ Там же, стр. 74.

²⁷ «Векове. Очерци, спомени, документи из тринадесетвековната българска история» (далее — «Векове»). София, 1972, стр. 179.

²⁸ FR, 1944, vol. III, p. 380—382.

²⁹ И. Д и м и т р о в. Външната политика на правителството на Иван Багрянов (1 юни — 1 септември 1944 г.). — «Годишник на Софийския университет», т. LXI, кн. III. София, 1968, стр. 264—265.

Их уверенность, очевидно, основывалась на следующем. В Вашингтоне особенно не скрывали большой заинтересованности США во вступлении СССР в войну против милитаристской Японии. Ведь по единодушному мнению начальников американских военных штабов, сообщенному президенту Рузвельту, без участия СССР в войне на Дальнем Востоке победа над Японией обошлась бы США очень дорого³⁰. В середине сентября 1944 г., свидетельствует Г. Гопкинс, «президент думал о созыве второй [после Тегерана] конференции со Сталиным и Черчиллем... Назрело много неотложных вопросов... Хотя на Тегеранской конференции Сталин дал твердое обещание принять участие в войне против Японии, необходимо было выяснить срок и масштабы участия советской стороны»³¹. Отсюда, возможно, и вытекало нежелание американских представителей в Турции осложнять отношения между США и СССР из-за Балкан.

Но это отнюдь не означало, что они готовы были смириться с продвижением Советской Армии в глубь Балкан, с ее вступлением, в частности, на болгарскую территорию. В отличие от английских дипломатов в Турции, видевших преграду на пути Советской Армии лишь в заключении перемирия с Болгарией, их американские коллеги считали эту политическую меру уже недостаточной в сложившихся условиях. Характерно в данной связи, что Мошанов, слушая Блэка, отметил про себя совпадение некоторых суждений американца с собственными мыслями³². Действительно, разве совет американцев о том, что «разрыв с немцами был бы более полезным ходом для болгарского правительства», не перекликался с выводом Мошанова, сделанным несколько дней назад: «Разрыв с немцами диктуется военной обстановкой... Если мы... не выдворим их [немцев] из своей страны, то Красная Армия вступит на территорию Болгарии, чтобы сделать это».

Но рекомендации американских дипломатов в Турции Мошанову, если они имели место, были все же результатом их собственной инициативы. Официальная линия госдепартамента США, добивавшегося с конца 1943 г. совместно с англичанами быстрейшего заключения перемирия с целью создать политический барьер на пути Советской Армии, оставалась неизменной и в конце августа — начале сентября 1944 г. В тот день, когда Блэк советовал Мошанову оттянуть начало переговоров до возвращения в Каир американского посланника, государственный секретарь США К. Хэлл, наоборот, во избежание какого-либо промедления телеграфировал в Каир временному поверенному в делах США Г. Шанцу, что он, в отсутствие посла, уполномочивается вместе с английским представителем лордом Мойном вручить болгарской делегации условия перемирия и вести с ней переговоры³³.

Вечером 30 августа Мошанов прибыл в Каир. Конечно, советы, полученные в ходе беседы с американскими дипломатами, должны были повлиять на болгарского эмиссара. И. Пауновский даже считает, что «встреча в американском консульстве сыграла решающую роль в поведении Мошанова в Каире»³⁴. Однако его деятельность там не всецело определялась именно этим обстоятельством. Решение затягивать переговоры он принял лишь после того, как убедился в результате неофициальных бесед с прикомандированным к болгарской делегации представителем английской разведки майором Г. Сэтон-Уотсоном в том, что «условия перемирия достаточно тяжелые для Болгарии» и к тому же не подлежат никакому обсуждению³⁵. В соответствии с этим решением Мошанов на первой официальной встрече 1 сентября с лордом Мойном и Шанцем заявил, что, ввиду спешного отъезда из Болгарии, он не смог оформить официальные полномочия для заключения перемирия и поэтому может вести пока только неофициальные переговоры, подобно тем, которые он проводил с Нэтчбулл-Хьюгессеном. Бесцеремонно прервав Мошанова, второй английский делегат негодующе воскликнул: «Нельзя терять время, так как союзные генеральные штабы готовы [действовать] и не могут ждать!»³⁶.

³⁰ См. В. М. Кулиш. История второго фронта. М., 1971, стр. 557.

³¹ Р. Шервуд. Гопкинс и Рузвельт, т. 2. М., 1958, стр. 556.

³² Архив БАН. Спомени на С. Мошанов, ч. III, л. 74.

³³ FR, 1944, vol. III, p. 382—383.

³⁴ И. Пауновски. Възмездие. София, 1971, стр. 543.

³⁵ «Векове», стр. 181.

³⁶ Там же, стр. 183.

Тем не менее заседание к большому неудовольствию западных союзников пришлось закрыть. Сразу после этого поступило сообщение из Софии об отставке правительства Багрянова. Появилась надежда, что будет сформирован кабинет, способный к более эффективным внешнеполитическим действиям. Мошанов пришел к выводу о целесообразности «оставить двери открытыми», т. е. возобновить переговоры с западными союзниками о заключении перемирия, но уже от имени нового правительства. Последовала телеграмма Балабанову: «Тот факт, что у нас нет необходимых полномочий, произвел очень плохое впечатление. Затребуйте их из Софии немедленно»³⁷.

Но на следующий день стало известно об образовании правительства во главе с К. Муравиевым. И Мошанову, по его признанию, пришлось пережить «самое большое разочарование за весь период своей миссии». Он, видимо, слишком полагался на заверения Багрянова, полученные им накануне отъезда в Турцию, что именно тому удастся создать такое правительство, которое изменило бы политику существующего режима и которое Мошанов мог бы успешно представлять на переговорах с Англией и США.

Почти одновременно с известием об образовании кабинета Муравиева была получена телеграмма от Балабанова, сообщавшего, в частности, о выходе советских войск на болгарскую границу³⁸. Взвесив все, Мошанов утром 3 сентября отправил Балабанову для передачи в Софию следующее заявление: «Образование кабинета [Муравиева]... никак не повлияет на изменение условий перемирия, которые, вероятно, будут строгими и нанесут тяжелый удар по друзьям двух великих союзных стран в Болгарии. Я не принимаю новый мандат... Я советую прислать полномочного министра и высшего офицера с полными полномочиями для получения и подписания от имени правительства условий перемирия, если вероятное вступление русских войск в Болгарию не создаст новое положение»³⁹.

Сэтон-Уотсон, подвергавший цензуре все сообщения Мошанова, прочитал эту депешу с нескрываемой досадой: «Что понимать под «новым» положением, которое создается, как Вы ожидаете, со вступлением русских войск в Болгарию?... Каждый, кто рассчитывает спекулировать на наших разногласиях [с русскими], ломает себе голову». «Майор Уотсон,— признал Мошанов,— уловил завуалированный смысл последней фразы в моей телеграмме»⁴⁰.

Потерявший терпение лорд Мойн предложил Шанцу отправить Мошанова обратно в Турцию и выразил надежду, что английский посол в Анкаре сможет убедить Балабанова в целесообразности присылки нового болгарского делегата, имеющего все необходимые полномочия для заключения перемирия, подчеркнув, что «сам Балабанов был бы подходящей кандидатурой для такого дела»⁴¹.

Западная дипломатия лихорадочно торопилась довести это «дело» до конца, дабы не допустить возникновения «нового положения» на Балканах. Однако правящие круги Англии и США не успели осуществить свои планы в отношении Болгарии. «В результате победоносного народного восстания 9 сентября и вступления на территорию Болгарии доблестных советских войск,— говорил в 1948 г. Г. М. Димитров,— была предотвращена подготавливавшаяся... англо-американская оккупация Болгарии»⁴².

РЕШИТЕЛЬНЫЙ ШАГ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Заключение соглашения о перемирии между болгарской правящей верхушкой и западными державами, без участия Советского Союза, укрепило бы позиции капитализма в Болгарии, послужило бы серьезным препятствием для дальнейшего развертывания борьбы прогрессивных сил страны за подлинную народную демократию, за социальное освобождение болгарского народа.

Вот почему болгарские коммунисты — политэмигранты в Москве, узнав об отъезде болгарской делегации в Каир, обратились к Г. Димитрову с тревожным вопросом:

³⁷ Архив БАН. Спомени на С. Мошанов, ч. III, л. 95; «Векове», стр. 183.

³⁸ Архив БАН. Спомени на С. Мошанов, ч. III, л. 104.

³⁹ «Векове», стр. 185.

⁴⁰ Архив БАН. Спомени на С. Мошанов, л. 106.

⁴¹ FR, 1944, vol. III, p. 394.

⁴² Г. Димитров. Избр. произв., т. II, стр. 466.

«Что происходит?» «Он не ответил сразу, — вспоминает К. Лазаров, видный болгарский общественный деятель, член БКП с 1915 г., принимавший участие в подготовке радиопередач для Болгарии в годы войны, — однако несколько дней спустя сказал: «Товарищ Сталин подчеркнуто заявил мне, что никто другой, кроме Красной Армии, не вступит в Болгарию. И это придало нам необходимое спокойствие»⁴³.

У Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами СССР были основания для такого заявления. На исходе лета 1944 г. и в первые дни сентября, свидетельствует генерал армии С. М. Штеменко, Ставка Верховного Главнокомандования «особенно интенсивно занималась болгарскими делами»⁴⁴. Еще 22 августа 1944 г. заместитель Верховного Главнокомандующего Маршал Советского Союза Г. К. Жуков был срочно вызван с 1-го Украинского фронта в Москву для выполнения особого задания Государственного Комитета Обороны — подготовить 3-й Украинский фронт к военным действиям против монархо-фашистской Болгарии, правительство которой продолжало сотрудничать с гитлеровской Германией. Верховный Главнокомандующий посоветовал Жукову перед вылетом в штаб 3-го Украинского фронта обязательно побеседовать с Г. Димитровым, чтобы лучше ознакомиться с обстановкой в Болгарии. «Встретились мы тепло, — пишет Жуков, — и он очень обстоятельно рассказал все, что мне было полезно узнать... Г. Димитров сказал: «Хотя Вы и едете на 3-й Украинский фронт с задачей подготовить войска к войне с Болгарией, войны наверняка не будет. Болгарский народ с нетерпением ждет подхода Красной Армии... Успехи советских войск оказали большое влияние на усиление народно-освободительного движения в Болгарии. Наша партия возглавляет это движение и взяла твердый курс на вооруженное восстание, которое будет осуществлено с подходом Красной Армии». После беседы с Г. Димитровым у Г. К. Жукова «почти не было сомнений, что дело обойдется без войны. Но мы, люди военные, получив задачу от руководства, должны ее выполнять с величайшей точностью»⁴⁵. В последних числах августа 1944 г. Г. К. Жуков прилетел в штаб 3-го Украинского фронта и совместно с командующим фронтом Маршалом Советского Союза Ф. И. Толбухиным приступил к подготовке предстоящей операции.

5 сентября 1944 г. Советское правительство объявило состояние войны с Болгарией. Этот акт был направлен всецело против монархо-фашистской клики, проводившей в течение ряда лет, вопреки воле народа, политику пособничества гитлеровской Германии в войне с СССР. «Наш народ знает, — говорилось в передаче радиостанции «Христо Ботев» 7 сентября 1944 г., — что правительство великой страны, которая нас освободила, объявило состояние войны против предателей Болгарии, лакеев Германии, а не против болгарского народа». В решительных действиях Советского Союза болгарский народ видит «ценную помощь в своем освобождении от германского ига»⁴⁶.

На эту крайнюю меру правительство СССР пошло лишь после того, как были исчерпаны все другие способы дипломатического воздействия на болгарских правителей, применявшиеся с весны 1944 г. с целью побудить их разорвать отношения с гитлеровской Германией. Они не вняли и последнему предостережению Советского правительства (30 августа 1944 г.) о недостаточности в создавшихся условиях провозглашения нейтралитета и недопустимости продолжавшегося укрывательства на болгарской территории немецко-фашистских войск⁴⁷. Не сделало соответствующих выводов из этого предостережения и сформированное 2 сентября 1944 г. правительство Муравиева. 3 сентября главный секретарь министерства иностранных дел Болгарии заявил советскому представителю: «Уполномочен сообщить Вам о твердом решении правительства обеспечить всеми средствами проведение политики нейтралитета, объявленного предыдущим правительством»⁴⁸. Это намерение болгарских правящих кругов подчеркивалось и в программной декларации 4 сентября 1944 г.

⁴³ «Спомени за Георги Димитров», т. II. София, 1974, стр. 405—406.

⁴⁴ С. М. Штеменко. На земле Болгарии. — «Новое время», 1972, № 26, стр. 18.

⁴⁵ Г. К. Жуков. Воспоминания и размышления. М., 1962, стр. 553.

⁴⁶ «Говори радиостанция «Христо Ботев», т. 7, стр. 262—263.

⁴⁷ «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. II. М., 1946, стр. 198—199.

⁴⁸ Цит. по: И. Димитров. Буржуазная оппозиция в Бългaрия. 1939—1944. София, 1969, стр. 218.

Подобно кабинету Багрянова, правительство Муравиева боязливо, с явной оглядкой на гитлеровское военное командование действовало в вопросе об интернировании немецко-фашистских солдат и офицеров. Оно лишь робко предупреждало гитлеровцев о необходимости для Болгарии соблюдать нейтралитет. Но командование вермахта не считалось с этим и поступало так, как ему было целесообразно вплоть до 9 сентября 1944 г. Причем немало германофильски настроенных высших болгарских офицеров и чиновников явно потакали гитлеровцам. А регент Филев пытался внушить военному министру 4 сентября, что вообще «положение не такое уж плохое, и Гитлер еще не сказал последнего слова»⁴⁹. Потворство гитлеровцам продолжалось даже после того, как германское военное командование осуществило открыто враждебную акцию по отношению к своему союзнику, пленив 4 сентября штаб оккупационного болгарского корпуса в Сербии и разоружив части этого корпуса, начавшие отход в пределы Болгарии.

Этот предательский удар гитлеровцев, казалось бы, давал болгарскому правительству благоприятный повод не только для разрыва с Германией, но и для объявления ей войны. 5 сентября кабинет Муравиева собирался несколько раз, обсуждая создавшееся положение, но никак не мог прийти к единому мнению. Одни министры предлагали решиться на разрыв с Германией, другие считали такой шаг преждевременным⁵⁰. Около 9 часов вечера в перерыве между заседаниями военный министр сообщил регенту Михову о том, что переданной по радио ноте Советского Союза, в которой объявлялось состояние войны с Болгарией. Спустя два часа вновь началось заседание кабинета на этот раз совместно с регентами⁵¹. Лишь под влиянием полученного чрезвычайного сообщения болгарские правители приняли, наконец, решение о разрыве с Германией, хотя в этих условиях наиболее целесообразным было бы уже объявление ей войны.

Решительный шаг Советского Союза 5 сентября 1944 г. поверг в сильное смятение монархо-фашистскую клику, деморализовал в значительной степени ее государственный аппарат, особенно армию. Кабинет Муравиева оказался не в состоянии сориентироваться в новой обстановке, не смог определить соответствовавшую ей политическую линию. «С этого дня, — свидетельствует бывший военный министр в правительстве Муравиева генерал И. Маринов, — его деятельность приобрела половинчатый, колеблющийся, непоследовательный характер»⁵².

Объявляя войну монархо-фашистской Болгарии, Советский Союз исходил из общесоюзных интересов, заключавшихся в том, чтобы побудить Болгарию решительно порвать с гитлеровской Германией. Именно эта акция, вытекавшая из всей предыдущей политики СССР и его союзников, возымела свое действие. С объявлением Советским Союзом войны Болгарии рушились антинародные планы правящих кругов США и Англии в отношении этой страны. 6 сентября 1944 г. английский посол в Москве К. Керр в присутствии американского посла А. Гарримана заявил наркому иностранных дел СССР В. М. Молотову, что «он уполномочен выразить удивление своего правительства по поводу того, что Советское правительство объявило войну Болгарии»⁵³. В Лондоне уже постарались забыть, что еще 20 августа 1944 г. в меморандуме американскому правительству позиция Англии излагалась в совершенно ином духе. «Точка зрения правительства е. в-ва заключается в том, — подчеркивалось в нем, — чтобы побудить оба правительства [советское и турецкое] выдвинуть ультиматум болгарскому правительству: если оно немедленно не изгонит немцев из Болгарии, не разорвет отношения с Германией и не выведет свои войска с оккупированных территорий, Турция и Советский Союз объявят войну Болгарии»⁵⁴. Английское правительство, следовательно, «выразило удивление» по поводу того, чего оно само добивалось всего лишь две недели назад.

⁴⁹ И. Маринов. Пет дни в правителството на К. Муравиев. — «Исторически преглед», 1968, № 3, стр. 88.

⁵⁰ Там же, стр. 90.

⁵¹ АВПР, рег. 656, поз. 10, ф. 299; «Дневник № 4», л. 57.

⁵² И. Маринов. Указ. соч., стр. 91.

⁵³ FR, 1944, vol. III, p. 401.

⁵⁴ Ibid., p. 360.

Советский представитель в ответ на выступление Керра разъяснил, что объявление Советским Союзом войны Болгарии не может рассматриваться союзниками как неожиданный шаг. Эта акция является логическим завершением советских демаршей перед монархо-фашистской Болгарией, в которых (в частности, в ноте 18 мая 1944 г.) уже было предупреждение о возможности разрыва Советским Союзом отношений с ней. Объявляя войну болгарским правителям, СССР стремился показать им, что три союзника едины в своих действиях. Керру в конце концов пришлось признать, что «разрыв отношений [с Болгарией] больше помогает, чем служит помехой, общесоюзнической борьбе с Германией»⁵⁵.

Английские правящие круги беспокоил также вопрос, что предполагает делать Советское правительство после объявления войны Болгарии. Намеревается ли оно дать распоряжение о вступлении советских войск в Болгарию и участвовать в переговорах о перемирии? Нарком иностранных дел СССР ответил, что с решением этих дел «нет необходимости спешить и было бы хорошо, если бы Болгария немного поразмыслила над создавшейся ситуацией». Что касается вопроса о военной необходимости вступления советских войск на болгарскую территорию, заявил далее нарком иностранных дел СССР, то это относится к компетенции военного командования⁵⁶.

Советские войска, завершив сосредоточение своих сил на исходных рубежах, вступили на территорию Болгарии утром 8 сентября. План проведения операции составлялся советским командованием с учетом внутривосточного положения в Болгарии. «В стране создавалась ярко выраженная революционная ситуация,— вспоминал начальник штаба 3-го Украинского фронта генерал (впоследствии Маршал Советского Союза) С. С. Бирюзов.— Ее-то мы в первую очередь и учитывали при разработке плана освобождения Болгарии от немецко-фашистских оккупантов»⁵⁷. Было решено, что войска 3-го Украинского фронта будут продвигаться в северо-восточные районы Болгарии вдоль ее Черноморского побережья. Особое значение при этом придавалось быстрому освобождению Варны и Бургаса, ибо имелись сведения, что гитлеровцы намеревались затопить все военные корабли, находившиеся в этих портах. Войскам фронта ставилась задача совершить короткий бросок на глубину 110—180 км. Тем самым преследовалась цель — вызвать панику и разброд в правящих кругах Болгарии, укрепить революционный энтузиазм трудящихся, создать в итоге благоприятные условия для того, чтобы болгарские антифашисты нанесли в Софии завершающий удар по монархо-фашистскому режиму. При этом Советская Армия готова была в любой момент прийти на помощь повстанцам⁵⁸.

Планируя операцию, командующий 3-м Украинским фронтом маршал Ф. И. Толбухин считал маловероятным военное столкновение с болгарской армией⁵⁹. Некоторые болгарские пограничники, установившие контакт с передовыми отрядами советских войск, подтверждали, что армия не будет чинить препятствий на пути продвижения советских воинов. Об антифашистских настроениях среди болгарских солдат рассказывали советским военным разведчикам и связавшиеся с ними болгарские коммунисты-партизаны, действовавшие в приграничных районах страны⁶⁰. И все же, отмечает член Военного совета 3-го Украинского фронта генерал А. С. Желтов, «мы точно не знали, как поведет себя болгарская армия»⁶¹. Лишь позднее стало известно, что военный министр Болгарии еще 6 сентября отдал приказ не оказывать сопротивления Советской Армии. А вечером 8 сентября уже после перехода ее частями Дуная, болгарское правительство официально объявило войну гитлеровской Германии. Но это был явно запоздалый акт.

Принимая во внимание своеобразие сложившейся обстановки, в частности отсутствие сплошной линии фронта перед советскими войсками, командование 3-м Украин-

⁵⁵ Ibid., p. 402.

⁵⁶ Ibid., p. 402—403.

⁵⁷ С. С. Б и р ю з о в. Советский солдат на Балканах. М., 1963, стр. 179.

⁵⁸ См. М. М. М и н а с я н. Освобождение народов Юго-Восточной Европы. М., 1967, стр. 223.

⁵⁹ П. Г. К у з н е ц о в. Маршал Толбухин. М., 1966, стр. 175.

⁶⁰ С. Т а н е в. Интернационалната мисия на Съветската Армия в България. 1944—1947. София, 1971, стр. 53—54.

⁶¹ А. С. Ж е л т о в. Освобождение Болгарии.— «Военно-исторический журнал», 1969, № 9, стр. 61.

Ским фронтом решило начать операцию не с обычной артиллерийской и авиационной подготовки и прорыва, а с выдвигания на болгарскую территорию передовых подвижных отрядов ⁶².

Была и еще одна отличительная черта подготовки советским командованием операции по вступлению советских войск в Болгарию. Дважды в эти дни собирался Военный совет фронта. Если раньше на таких заседаниях, пишет генерал П. Г. Кузнецов, командовавший в 1944 г. 82-м корпусом 37-й армии, «разбирались вопросы, связанные с воспитанием ненависти у советских воинов к немецко-фашистским захватчикам, то теперь говорили лишь о дружбе болгарского и русского народов» ⁶³. Составлялись тексты листовок, предназначенных для болгарской армии и населения страны, обсуждалось обращение командующего фронтом к болгарам, в котором разъяснялись цели и задачи Советской Армии в начинавшейся военной кампании. «Красная Армия не имеет намерения воевать с болгарским народом и его армией,— подчеркивалось в нем.— У Красной Армии одна задача — разбить немцев и ускорить срок наступления всеобщего мира». Военный совет фронта, отмечает генерал Желтов, «учитывал реальную обстановку в Болгарии, верил в силу и притягательность идей братства и интернационализма и не ошибся. Последующие события полностью подтвердили наши выводы и оценки, показали правильность избранных способов действий» ⁶⁴.

Утром 8 сентября, вспоминает маршал Г. К. Жуков, все было готово, чтобы открыть огонь, но мы со своих наблюдательных пунктов не видели целей, по которым надо было вести этот огонь. Маршал Ф. И. Толбухин приказал двинуть вперед подвижные отряды. Не прошло и получаса, как командующий 57-й армией генерал Н. А. Гаген сообщил, что одна из частей болгарской армии встретила на дороге советские войска с развернутыми красными знаменами и торжественной музыкой. Аналогичные донесения стали поступать и из других армий. Повсюду шло стихийное братание советских воинов с болгарским населением.

«Я тотчас же позвонил в Ставку,— пишет Г. К. Жуков.— И. В. Сталин сказал: — Все оружие болгарских войск оставьте при них, пусть они занимаются своими обычными делами и ждут приказа своего правительства.

Этим простым актом со стороны Верховного Главнокомандующего было выражено полное доверие болгарскому народу и болгарской армии, которые по-братски встретили Красную Армию, видя в ней свою освободительницу от немецких оккупантов и царско-профашистского режима» ⁶⁵.

Вступление советских войск на территорию Болгарии, как и ряда других европейских стран, вытекало из военной необходимости, из стремления ускорить разгром фашистской Германии, освободить народы европейских стран от фашистского гнета. Еще при переходе советскими войсками границы Румынии в апреле 1944 г. правительство СССР четко заявило, что оно «не преследует цели приобретения какой-либо части румынской территории или изменения существующего общественного строя Румынии» ⁶⁶. Этот принцип Советский Союз вновь подтвердил 25 августа 1944 г. Имелся, таким образом, прецедент и для Болгарии. Тем не менее при вступлении советских войск на ее территорию в западных газетах стали появляться вздорные вымыслы о целях Советского Союза относительно Болгарии. «Западная пресса трубит,— говорил по телефону 9 сентября 1944 г. генералу А. С. Желтову начальник Главного Политического управления Советской Армии А. С. Щербаков,— будто советские войска устанавливают в Болгарии свои социалистические порядки. «Я доложил,— пишет в воспоминаниях Желтов,— что это злостные измышления, что командование и войска фронта не вмешиваются во внутренние дела Болгарии» ⁶⁷.

Все советские воины действовали в соответствии с положениями, изложенными в воззвании Военного совета 3-го Украинского фронта «К населению Болгарии». Совет-

⁶² М. М. Минасян. Указ. соч., стр. 222.

⁶³ П. Г. Кузнецов. Указ. соч., стр. 176.

⁶⁴ А. С. Желтов. Указ. соч., стр. 63.

⁶⁵ Г. К. Жуков. Указ. соч., стр. 554—555.

⁶⁶ «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. II, стр. 105.

⁶⁷ А. С. Желтов. Указ. соч., стр. 63—64.

ская Армия, подчеркивалось в нем, «не имеет цели захвата какой-либо части болгарской земли или намерения изменить существующий в Болгарии общественный строй... Частная собственность граждан повсюду остается неприкосновенной. Духовенство и верующие могут справлять религиозные обряды. Существующие органы власти и самоуправления должны нормально продолжать свою деятельность»⁶⁸.

Советские военные органы строго придерживались принципа невмешательства во внутренние дела болгарского народа. В письме начальника генштаба болгарской армии генерала Янчулева командующему военно-воздушными силами Болгарии (оно датировано 9 сентября 1944 г.) отмечалось: «По сведениям, полученным от начальников гарнизонов, в распоряжение которых вступили русские войска, русские повсюду вели себя очень корректно по отношению к болгарским войскам и не приступили к их разоружению... Административные и другие власти работают нормально»⁶⁹. О том же доносил 25 сентября 1944 г. государственному секретарю США Хэллу и американский консул в Стамбуле: «Заслуживающий доверия человек в Софии сообщил мне вчера: 1) Обстановка совершенно спокойная. Порядок полностью восстановлен, и дела идут нормально. 2) Русские придерживаются политики невмешательства»⁷⁰.

Революционная ломка в сентябрьские дни 1944 г. существовавших в Болгарии порядков, о чем шумела тогда западная печать, действительно происходила. Но это делали сами болгарские трудящиеся массы, сплотившиеся вокруг Отечественного фронта. Революционный процесс в Болгарии начался еще до вступления в ее пределы советских войск. Продвижение Советской Армии по болгарской территории создало благоприятные условия для дальнейшего расширения и успешного завершения революционной борьбы болгарских антифашистов. «Вступление Красной Армии в нашу страну, — пишет член Политбюро ЦК БКП Ц. Драгойчева, — явилось событием, имевшим исключительное значение для развертывания восстания, его сравнительно бескровной и быстрой победы. Враг был парализован. Соотношение сил резко изменилось в пользу Отечественного фронта»⁷¹.

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ШТУРМ

28 августа 1944 г. Михов записал в дневнике: «Годовщина смерти царя Бориса. Панихида в Рильском монастыре»⁷². Оплакивая монарха, регенты, члены царской семьи, министры и сановники оплакивали по существу весь созданный им строй, судьба которого была предрешена. В тот же день, когда происходила эта церковная служба, регенты получили донесение о намерении болгарских антифашистов свергнуть в ближайшее время монархо-фашистский режим. «Они хотят, — с явной тревогой отметил 28 августа Филев, — попытаться прежде всего взять власть легальным путем, образовав коалиционный кабинет (Отечественный фронт)... Если этот план не осуществится, тогда они собираются захватить власть нелегальным путем»⁷³. Хотя регенты предписали жандармам проявить максимум бдительности, но ничто уже не могло остановить нараставший в стране антифашистский натиск масс. Прошло всего 10 дней, и Михов, делая последние пометки в дневнике, вынужден был констатировать: «Революционное время»⁷⁴.

В первых числах сентября 1944 г. в стране сложились объективные предпосылки для победы антифашистского, народно-освободительного движения. Налицо была революционная ситуация: «верхи» уже не могли, а «визы» не хотели больше жить по-старому. Создавшиеся благоприятные внутренние и международные условия блестяще учла самая последовательная и активная антифашистская сила в стране —

⁶⁸ Цит. по: М. М. М и н а с я н. Указ. соч., стр. 225.

⁶⁹ «Советско-болгарские отношения. 1944—1948. Документы и материалы». М., 1969, стр. 12.

⁷⁰ FR, 1944, vol. III, p. 435.

⁷¹ Ц. Д р а г о й ч е в а. Борьба болгарского народа против немецких оккупантов и монархо-фашистской диктатуры. — «Братская дружба, восторженное сотрудничество». М., 1969, стр. 63.

⁷² АВПР, нег. 656, поз. 10, ф. 299, «Дневник № 4», л. 32.

⁷³ ЦДИА, ф. 456, оп. 1, а. е. 12, л. 78—79.

⁷⁴ АВПР, нег. 656, поз. 10, ф. 299, «Дневник № 4», л. 63.

Болгарская рабочая партия, умело слившая в общий революционный поток усклившуюся политическую активность масс, возросший антифашизм и патриотизм в части болгарской армии, боевой порыв партизан. «Полностью понимая свою историческую миссию авангарда пролетариата,— говорил на V съезде БРП(к) в 1948 г. Г. М. Димитров,— партия использовала весь опыт своего боевого прошлого, все уроки своих побед и поражений, развернула все свои силы, употребила весь свой огромный авторитет, опираясь на решающую помощь Советской Армии, чтобы поднять сплоченный в Отечественном фронте болгарский народ на смелую вооруженную борьбу за свержение самой опасной, самой злостной опоры капитализма и реакции в нашей стране — монархо-фашистской диктатуры»⁷⁵.

Отправным моментом для организации и проведения последнего сражения с монархо-фашизмом послужило историческое постановление ЦК БРП № 4, принятое 26 августа 1944 г. на основе решения Политбюро ЦК БРП от 24 августа. БРП призвала болгарский народ к решительной вооруженной борьбе за образование правительства Отечественного фронта, которое «обеспечит права и свободы болгарского народа, создаст условия для истинной народно-демократической власти»⁷⁶.

В постановлении ЦК БРП № 4 намечались четыре основных направления подготовки революционного штурма: 1) организация антифашистских политических выступлений масс; 2) повсеместный переход партизанских отрядов к активным действиям по овладению важными стратегическими объектами, продвижение их к населенным пунктам с целью внесения смятения в ряды врага и одновременно укрепления революционного энтузиазма масс; 3) максимальное привлечение на сторону народа болгарской армии, при нейтрализации тех ее частей, которые не решатся выступить; 4) всестороннее укрепление комитетов Отечественного фронта, развертывание под его знаменем всенародной борьбы и вооруженных действий болгарских патриотов.

Одним из неотложных вопросов, решавшихся в ходе подготовки восстания, была проблема оружия. В течение всех лет вооруженной борьбы партизаны ощущали его нехватку. В преддверии восстания, когда в партизанские части влилось значительное число новых бойцов, это стало чувствоваться особенно остро. И тогда командование болгарских партизанских отрядов, действовавших в районе болгаро-югославской границы, воспользовалось прибытием из Москвы в их расположение группы болгарских политэмигрантов с радией и обратилось по радио за помощью к Советскому Союзу. «В багаже «москвичей»,— вспоминает командир Трынского партизанского отряда, а затем 1-й Софийской дивизии С. Трынский,— шумела рация. Вождю партии Георгию Димитрову, который постоянно был в курсе наших дел, она передала в Москву нашу давнишнюю просьбу:

— Оружия, товарищ Димитров! Оружие нам нужно. Пришли его поскорее с советскими соколами!

И вот, не так уж много времени прошло, загудели над Добро-Подем самолеты. Сделали они несколько кругов, а затем над лесом раскрылись десятки парашютов... С большим подъемом люди распаковывали и раздавали оружие. Его было так много, что им вооружили около десяти тысяч болгарских и югославских партизан и еще осталось про запас»⁷⁷.

Доставленным советскими самолетами оружием были оснащены прежде всего партизанские отряды, действовавшие в прилегающих к Софии районах. Это обстоятельство благоприятствовало проведению антифашистского восстания именно в столице. В конце августа 1944 г. Главный штаб НОПА решил сосредоточить близ нее партизанские соединения, которые активными действиями должны были отвлечь внимание монархо-фашизма и дать возможность софийским трудящимся поднять восстание в городе. Но когда Главный штаб стал детально уточнять соотношение сил в районе Софии, то выяснилось, что оно явно не в пользу антифашистов (примерно 1 : 4).

Дело в том, что еще 23 августа монархо-фашистская клика под влиянием увеличивавшихся признаков замышлявшегося гитлеровцами правительственного переворота привела в состояние повышенной боевой готовности находившиеся около столицы

⁷⁵ Г. Д и м и т р о в. Избр. произв., т. II, стр. 610—611.

⁷⁶ «Установяване и укрепване на народнодемократична власт. Сборник документи». София, 1969, стр. 15.

⁷⁷ С. Т р ы н с к и й. Не так давно. Перев. с болг. София, 1970, стр. 801—802.

воинские части, перебросила на помощь им с болгаро-турецкой границы дополнительные контингенты войск. Кроме того, в первых числах сентября военное министерство, озабоченное начинавшейся концентрацией гитлеровских сил к западу и северо-западу от Софии, решило срочно подтянуть сюда с южной границы еще две дивизии, передвинуть ближе к столице подразделения механизированной бригады и самое важное — перевести главный штаб болгарской армии со всеми охранявшими его частями из окрестностей Софии непосредственно в город⁷⁸. А именно по населенному пункту, где находился этот штаб, командование НОПА и планировало нанести главный удар.

Неожиданный поворот событий побудил руководителей народно-освободительного движения заняться выяснением возможностей проведения восстания вне Софии — в Пловдиве, втором по значению и численности городе Болгарии, около которого действовали крупные силы партизан, или в Плевене, располагавшемся ближе других центров страны к линии фронта советских войск.

Однако начинать восстание в Пловдиве было рискованно. «Пловдив — не столица, — отмечено в воспоминаниях члена Главного штаба НОПА П. Илиева (он был офицером болгарской армии, вел в ней нелегальную антифашистскую работу). — Еще требовалось распространить отсюда борьбу по всей стране. А это обстоятельство ставило нас перед серьезными трудностями, пришлось бы решать задачу со многими неизвестными»⁷⁹.

Больше шансов на успех имел второй вариант, и в частности потому, что в Плевене один из командиров расквартированной там воинской части был близким родственником П. Илиева. Вместе со своим коллегой по Главному штабу НОПА П. Вранчевым и другими антифашистами он отправился туда 4 сентября. Как свидетельствует П. Вранчев, перед ними ставилась задача: установив контакт с командованием воинской части в Плевене, «предпринять действия по образованию периферийного правительства Отечественного фронта в этом районе»⁸⁰. Но эту задачу не удалось выполнить, ибо командование воинской части в Плевене не решилось содействовать болгарским антифашистам.

5 сентября 1944 г. последовало объявление Советским Союзом войны монархофашистской Болгарии. Это обстоятельство, как отмечалось выше, существенно меняло политическую ситуацию в стране. Началось повальное бегство из Болгарии отъявленных реакционеров, жандармов и сановников. За несколько дней страну покинуло свыше 2 тыс. активных фашистов, в том числе и Цанков. Смятение охватило весь монархофашистский лагерь. Революционная энергия масс, наоборот, получила мощный дополнительный импульс. И теперь чисто арифметический подсчет соотношения сил отходил на задний план. Внимание ЦК БРП и Главного штаба НОПА вновь обратилось к Софии — административному и политическому центру страны, где сосредоточивались важнейшие нити монархофашистского управления. 5 сентября ЦК БРП и Главный штаб НОПА приняли окончательное решение о нанесении основного удара по монархофашизму в Софии. Правильность такого решения подтвердили и события, развернувшиеся в эти дни в болгарской столице.

Именно здесь быстрее, чем в других местах страны, стала расти политическая активность масс. Еще в последних числах августа по указанию ЦК БРП софийская партийная организация начала проводить на предприятиях столицы митинги, призывая трудящихся к решительной борьбе с монархофашизмом. Эти собрания проходили под охраной боевых групп, составленных из закаленных в сражениях с фашистами бойцов. За организацию митингов и действия боевых групп отвечало специально созданное оперативное бюро, в которое вошли Т. Живков, игравший видную роль в руководстве партизанским движением в 1-й (Софийской) военно-оперативной зоне, организаторы софийских боевых групп С. Тодоров и В. Бонев и командир Шопского партизанского отряда, располагавшегося вблизи Софии, И. Бонев.

4 сентября, в день обнародования программной декларации правительства Муравиева, софийские трудящиеся по инициативе городского комитета БРП провели первую за годы войны антифашистскую манифестацию на улицах столицы. Собравшиеся

⁷⁸ И. Маринов. Указ. соч., стр. 87.

⁷⁹ П. Илиев. В леговицето на вълците. София, 1968, стр. 301.

⁸⁰ П. Вранчев. Спомени. София, 1968, стр. 612.

около здания Судебной палаты демонстранты двинулись к советскому посольству, чтобы выразить дружеские чувства к СССР. Монархо-фашистские власти направили против них полицию. Однако рассеянные группы трудящихся собрались у здания гитлеровского посольства, открыто выражая ненависть к немецко-фашистским угнетателям. Охране посольства и полицейским, прибывшим ей на помощь, с трудом удалось оттеснить демонстрантов.

6 сентября в столице появились листовки с лозунгом «Вся власть в руки Отечественного фронта!». С самого утра в городе наступила непривычная тишина — прекратил работу почти весь трамвайный транспорт. Стачка служащих трамвая произвела сильное впечатление на жителей столицы. Власти прибегли к арестам. Жандармы получили приказ рассеять боевые группы, охранявшие забастовщиков. В ряде мест дело дошло до перестрелки. По городскому радио неоднократно объявлялось, что служащие трамвайного транспорта переводятся на военное положение и тот из них, кто прекратит работу, будет предан военному суду. Но ничто не могло сломить волю мужественных стачечников. Комитет, руководивший их борьбой, отправил к министру внутренних дел делегацию с требованием прекратить аресты бастующих. И министру пришлось удовлетворить это требование⁸¹.

Выступление трамвайных служащих послужило сигналом к общеполитической забастовке и демонстрации в городе. Во второй половине дня тысячи софийских тружеников собрались у отеля «Славянская беседа». Находившиеся там гитлеровские офицеры открыли стрельбу. Их поддержали болгарские полицейские. Несколько человек было ранено. Стремясь разогнать манифестантов, власти вынуждены были объявить ложную воздушную тревогу. Однако демонстрация продолжалась. До позднего вечера на улицах Софии слышались революционные призывы и песни. Полиция арестовала свыше 300 человек, но науганная резким изменением ситуации внутри и вне страны не осмелилась держать их в своих застенках больше, чем до утра следующего дня.

В те часы, когда развевталась стачка трамвайных служащих, в помещении Бактериологического института собрались представители ЦК БРП, Главного штаба НОПА, окружного и городского комитетов БРП в Софии, Софийского комитета Отечественного фронта, руководители боевых групп в столице. На совещании шла речь о координации действий всех революционных сил в городе. «В ходе обсуждения,— вспоминает С. Тодоров,— выявились два предложения. Первое сводилось к тому, что надо действовать в тот же день после обеда... разгромить здание тюрьмы и освободить несколько тысяч заключенных, а затем двинуться к центру и правительственным учреждениям... Другое предложение состояло в том, чтобы еще немного выждать, пока к нам не присоединятся танковый полк и другие воинские части, с которыми Главный штаб уже вступил в переговоры. Тем временем следует привести в полную готовность боевые силы в Софии и охранять проходившие митинги, демонстрации, собрания и стачки. Прошло второе предложение, за которое высказалось большинство присутствовавших»⁸².

Под влиянием революционных выступлений масс и решительных действий Советского Союза усилились раздоры в правящей верхушке. И. Маринов, с которым представители Отечественного фронта, в прошлом единомышленники генерала по тайной антимонархической организации «Военный союз», установили контакт, все настойчивее ставил вопрос о необходимости привлечения к управлению страной Отечественного фронта. На заседании кабинета министров 7 сентября это вызвало бурную перепалку. Члены кабинета, задававшие в нем тон, обрушились с нападками на Маринова. Другие министры (торговли, земледелия, общественных работ), напротив, защищали его, заявляя, что «генерал прав»⁸³. Позиция, занятая военным министром, встревожила регентов. «Генерал Маринов,— сетовал князь Кирилл,— становится опасным, он слишком много вмешивается в политические дела»⁸⁴. Регенты и Муравиев пришли к выводу, что его следует удалить из правительства, но осуществить это они

⁸¹ И. А т а н а с о в. Стачка на трамвайните работници.— «В бой с фашизма. 1941—1944». София, 1969, стр. 635.

⁸² С. Т о д о р о в. На боев пост.— «В бой с фашизма. 1941—1944», стр. 531.

⁸³ И. М а р и н о в. Указ. соч., стр. 92.

⁸⁴ АВПР, нег. 656, поз. 10, ф. 299. «Дневник № 4», л. 59.

не успели. Почти все министры вновь потребовали отставки регента Филова, видя в нем чуть ли не главного виновника политических затруднений. Несмотря на активную поддержку со стороны других регентов, Филову пришлось в конце концов заявить об уходе из регентского совета.

Стремясь ослабить революционный натиск, правительство Муравиева издало указы об амнистии политзаключенным, роспуске фашистских организаций и ликвидации жандармерии. Однако оно медлило с выполнением этих указов. Тюремщики не спешили выпускать на свободу томившихся в застенках борцов с монархо-фашизмом. Повстанцам самим пришлось взламывать ворота тюрем. Их революционная активность росла с каждым днем.

7 сентября на улицы и площади Софии вновь вышли манифестанты. Сборным пунктом была определена площадь перед железнодорожным вокзалом. Предполагалось, что митинг трудящихся здесь положит начало забастовке железнодорожников Софии, а затем и всех транспортников страны. Однако полиция перекрыла подступы к вокзальной площади, и митинг пришлось перенести в другое место. Но и тут вмешалась полиция. Один из ораторов был убит. Возникла перестрелка между боевыми группами, охранявшими митинг, и полицейскими. Напряженность в столице нарастала.

Вдохновленные примером софийских трудящихся поднимались на борьбу народные массы и в других районах страны. Утром 7 сентября началась стачка шахтеров Перника — одного из передовых отрядов болгарского рабочего класса. Свыше 2 тыс. шахтеров покинули шахты, освободили при поддержке боевых групп политзаключенных из местной тюрьмы и двинулись к городу. Полиция открыла огонь по колонне демонстрантов, убив 6 и ранив 13 человек.

7 и 8 сентября прошли стачки, демонстрации и митинги в Пловдиве, Габрове, Сливене, Плевене, Бургасе, Русе, Силистре и других болгарских городах. Трудящиеся выражали солидарность с Советским Союзом, требовали свержения существующего режима и образования правительства Отечественного фронта. С возгласами «На Бастилию!», «Смерть фашизму — свободу народу!» они захватывали тюрьмы, освобождали политзаключенных. Одновременно по указанию Главного штаба НОПА повсеместно активизировали действия партизанские отряды, вступив в ряде мест в ожесточенные бои с жандармерией и войсками. В течение 6 и 7 сентября партизаны заняли 55 населенных пунктов. В некоторых из них устанавливалась власть комитетов Отечественного фронта⁸⁵.

Утром 8 сентября по требованию Национального комитета Отечественного фронта Муравиев принял его делегатов, заявивших решительный протест против полицейской расправы с демонстрантами в Софии и Пернике. Премьер-министр попытался проявить твердость: «Если народ считает, что власть слаба, то он заблуждается, — с угрозой говорил Муравиев. — Власть достаточно сильна, чтобы поставить каждого на свое место». Слова премьер-министра свидетельствовали, что он явно оторвался от реальной действительности. «Сильна только та власть, за которой стоит народ, — весомо ответил ему представитель Национального комитета Отечественного фронта коммунист К. Драмалиев, — а он сейчас поддерживает Отечественный фронт». Спесь окончательно слетела с Муравиева, когда внезапно вошедший чиновник шепнул ему, что на болгарскую территорию вступила Советская Армия. Он с изменившимся лицом заявил: «Господа, встреча окончена»⁸⁶. Однако иллюзии еще не покидали его. В тот же день премьер-министр в поисках выхода из создавшегося положения настойчиво стремился установить контакт с Болгарской рабочей партией, но получил решительный ответ: «Подавайте в отставку»⁸⁷. Кризис «верхов» в стране достиг апогея.

Весть о вступлении Советской Армии на болгарскую территорию в еще большей мере развязала революционную инициативу масс. 8 сентября в районах северо-восточной Болгарии, по которым продвигалась Советская Армия, власть в свои руки стали брать комитеты Отечественного фронта. Рано утром того же дня советские десантники

⁸⁵ См. С. Петрова. Борбата на БРП за установяване народнодемократическата власт. Май—септември 1944. София, 1964, стр. 203, 204, 211.

⁸⁶ К. Драмалиев. В Националният комитет на ОФ през ония дни. — «Септемврийски дни». София, 1970, стр. 160—161.

⁸⁷ С. Петров. Стратегията и тактиката на БРП в борбата против монархо-фашизма. София, 1969, стр. 274.

занимали важные военные объекты в Варне. Это послужило сигналом для революционного выступления трудящихся города. По призыву окружного комитета БРП они освободили политзаключенных из тюрьмы, захватили полицейские участки и помещение военной комендатуры, ворвались в здание городского муниципалитета и арестовали находившихся там местных фашистских главарей, в том числе и начальника варненского военного округа, устраивавшего жестокие расправы с местными антифашистами. Перед зданием муниципалитета сразу же возник многолюдный митинг, на котором было провозглашено установление власти Отечественного фронта и зачитана его программа. В разгар митинга на прилегающих к муниципалитету улицах послышались нараставшие возгласы «Ура!». Жители Варны приветствовали вступающие в город советские танки. «Неописуем был восторг народа, окружившего долгожданных освободителей — советских танкистов, — вспоминает один из руководителей варненских антифашистов. — Приветствия, горячие объятия, цветы, слезы от счастья»⁸⁸.

Параллельно с организацией политических выступлений масс болгарские коммунисты расширяли антифашистскую работу в армии. В ней усиливалось брожение, особенно среди солдат и младших офицеров. 6 сентября по инициативе коммунистов-подпольщиков вспыхнуло восстание военных моряков в Дедеагаче — морском порту на Эгейском побережье. Оно продолжалось несколько дней и всколыхнуло весь 13-тысячный местный гарнизон⁸⁹. Революционные выступления солдат происходили в эти дни и в воинских частях, расположенных в Бургасе и Брезнике. Некоторые подразделения болгарской армии открыто переходили на сторону партизан.

Но вместе с тем определенная часть болгарской армии, по свидетельству П. Илиева, упорно стояла на реакционных позициях. Немало высших офицеров, а также каратели, запятнавшие себя пролитой народной кровью, пытались противостоять натиску народно-освободительного движения, удержать под своим контролем армию⁹⁰. И это создавало известные трудности при подготовке восстания.

Много усилий, в частности, пришлось затратить для привлечения на сторону повстанцев механизированной бригады, в состав которой входили единственный в болгарской армии танковый полк (25 танков, поставленных из гитлеровской Германии). Эта бригада была «бронированным кулаком» царя и монархо-фашистских правительств, предназначенным прежде всего охранять власть от любых попыток низвергнуть ее⁹¹. Бригадой командовал бывший адъютант царя полковник Генев, убежденный монархо-фашист, насаждавший среди своих подчиненных реакционный, кастовый дух. Отбор личного состава здесь был очень строгим, солдаты и офицеры проходили подготовку на германских военных курсах. Опекал эту воинскую часть инструктор из вермахта. Отдельные ее подразделения использовались в борьбе с партизанскими отрядами. Но несмотря на жестокий контроль, в бригаду попадали и прогрессивно настроенные новобранцы, в частности члены коммунистического союза молодежи (МС). В ней оказалось и несколько офицеров из антимонархической организации «Военный союз», присоединившихся в 1942 г. к Отечественному фронту. После ожесточенных бомбардировок англо-американской авиацией Софии (январь—март 1944 г.) бригаду пришлось вывести из столицы и рассредоточить в ее окрестностях, что создало возможность для расширения антифашистской работы в подразделениях бригады. Наряду с этим значительную роль в изменении настроений среди солдат и офицеров сыграла стычка в последних числах августа 1944 г. с группой интернированных гитлеровцев, попытавшихся вырваться из помещения, охранявшегося стрелками моторизованного полка. Возникшая в результате этого неприязнь к гитлеровцам способствовала восприятию солдатами и офицерами бригады идей Отечественного фронта. И тем не менее офицеры-подпольщики не могли дать Главному штабу НОПА твердой гарантии относительно ее участия в восстании — столь велико еще было там засилье отъявленных реакционеров. «Большие события зрели, — отмечено в воспоминаниях П. Или-

⁸⁸ Г. Б о г д а н о в. Завземането на власта във Варна. — «Септемврийски дни», стр. 409.

⁸⁹ К. Х а л а ч е в. За моряшкото и войнишкото въстание в Беломорието през септември 1944 г. — «Исторически преглед», 1972, № 4.

⁹⁰ П. И л и е в. Указ. соч., стр. 300.

⁹¹ Г. Я з а р о в. Идејно-политически настроения и револуционни прояви сред личния състав на бронираната бригада и участието ѝ в деветосептемврийското народно въстание. — «Известия на военноисторическото научно дружество», 1972, № 2.

ева, — а успеха в механизированной бригаде мы все не имели: она оставалась одним из самых серьезных препятствий на путях подготовки восстания»⁹².

В условиях, когда не исключалась возможность использования «бронированного кулака» для борьбы с повстанцами, особое значение приобретало привлечение на их сторону артиллерийских частей, способных противостоять танкам. Это тоже оказалось делом нелегким, но по другой причине. Вечером 7 сентября в одной из конспиративных квартир Главного штаба НОПА появился присланный подпольщиками командир подвижной зенитной батареи (6 орудий), располагавшейся в 100 км от Софии, и выразил готовность содействовать восстанию. Выяснилось, однако, что тягачи для орудий не имеют горючего. Членам Главного штаба НОПА пришлось поломать голову над тем, где раздобыть в короткий срок большое количество бензина и автомашину для его транспортировки. Командир зенитчиков отправился с бензином к месту расположения своей части, когда до решающего выступления оставались считанные часы.

В результате самоотверженной нелегальной работы, проведенной в армии, повстанцы могли рассчитывать на поддержку шести воинских частей, небольших по численности, но достаточных для достижения успеха⁹³. В распоряжении руководителей восстания в Софии были также городские партийные организации, комитеты Отечественного фронта, боевые группы, Шопский партизанский отряд, скрытно проникший в ночь на 6 сентября в столицу, и действовавшие близ нее партизанские соединения.

На повестку дня теперь встал вопрос о разработке конкретного плана восстания. Именно об этом шла речь на заседании Главного штаба НОПА в ночь с 7 на 8 сентября. Утром 8 сентября Политбюро ЦК БРП окончательно утвердило план восстания. При его составлении первостепенное значение придавалось фактору внезапности. Организаторов восстания настораживало продолжавшееся передвижение воинских частей в район западнее Софии и на ее окраины, производившееся, как отмечалось выше, на случай возможных агрессивных действий со стороны гитлеровской Германии. Но об этом Главный штаб НОПА не знал, и ему приходилось считаться с предположением, что передислокация войск вызвана намерением правительства нанести удар по готовившемуся восстанию. В таких условиях только внезапность выступления могла обеспечить успех.

Исходя из этого, Главный штаб НОПА и Политбюро ЦК БРП решили начать восстание там, где это меньше всего ожидало правительство — не на рабочих окраинах города, а в самом его центре. Главное внимание повстанцев направлялось на захват здания военного министерства, в котором в начале сентября сосредоточилась почти вся деятельность правительства и высшего командования болгарской армии. Здесь же находилась резиденция начальника полицейского департамента, а также телефонный узел, связывавший правительство со всеми частями софийского гарнизона. Овладев зданием военного министерства, повстанцы взяли бы в свои руки важные нити управления.

Существенную роль в обеспечении внезапности восстания играл выбор благоприятного момента для его начала. В Главном штабе НОПА обсуждались разные варианты. Предлагалось, в частности, объявить днем 8 сентября ложную воздушную тревогу и, воспользовавшись растерянностью противника, осуществить намеченный план действий. Но при этом не было уверенности, что замешательство продлится столько времени, сколько необходимо повстанцам. Правительство могло быстро понять, в чем дело, и успеть принять контрмеры. Взвесив все, руководители восстания пришли к выводу, что оно должно начаться в 2 часа ночи 9 сентября, когда дежурным по военному министерству (а в его обязанности входила и охрана здания) будет офицер — сторонник Отечественного фронта.

На руку повстанцам оказалось и то обстоятельство, что начальник болгарской униформенной полиции и полицейский комендант Софии, сознавая неизбежность краха существующего режима, стали искать контакты с Отечественным фронтом. Политбюро ЦК БРП и Главный штаб НОПА сочли целесообразным использовать это в интересах восстания. 7 и 8 сентября члены Главного штаба НОПА встретились с полицейскими начальниками, и те согласились снять вечером 8 сентября все полицейские посты

⁹² П. И л и е в. Указ. соч., стр. 359.

⁹³ С. П е т р о в. Указ. соч., стр. 282.

в столице, а также дать указания в полицейские участки не вмешиваться в события, которые должны развернуться в городе в ночь на 9 сентября. Тем самым степень внезапности действий повстанцев значительно увеличилась.

Во второй половине дня 8 сентября состоялись последние перед решающим штурмом совещания членов Политбюро ЦК БРП, Национального комитета Отечественного фронта и Главного штаба НОПА. Был определен состав будущего правительства Отечественного фронта, уточнены отдельные детали проведения восстания.

Член Главного штаба НОПА П. Илиев, имевший свободный доступ в военное министерство, получил задание собрать там заранее группу офицеров-подполщиков и наметить с ними план действий внутри помещения. К полуночи это поручение было выполнено. В комнатах и коридорах военного министерства постепенно наступило ночное затишье. Никто из находившихся здесь министров и высших офицеров и не подозревал, что истекают последние часы их власти.

В условленное время перешедшие на сторону Отечественного фронта воинские подразделения, а также возглавленное Т. Живковым ударное ядро боевых групп и Шопского партизанского отряда окружили цитадель правительства. Восставшие солдаты при помощи дежурного офицера-подполщика беспрепятственно проникли в нее. Партизаны, расположившиеся в сквере поблизости, в любую минуту были готовы их поддержать. Тщательность подготовки удара и его внезапность обеспечили быстрый успех. Попытки отдельных охранников и высших офицеров оказать сопротивление удалось пресечь без кровопролития. Повстанцы, не мешкая, блокировали телефонный узел военного министерства. В это же время группа партизан Шопского отряда, руководимая его комиссаром Д. Елазаром, перерезала в окрестностях Софии провода связи между военным министерством и селом Говедарци, где находились важные службы военного командования болгарской армии. И когда министр внутренних дел и другие высшие чиновники бросились к телефонам, чтобы бить тревогу, было уже поздно. После недолгих переговоров с повстанцами военный министр Маринов, и ранее сочувствовавший Отечественному фронту, окончательно перешел на его сторону. По совету руководителей восстания он вскоре отдал распоряжение воинским частям не противодействовать восставшему народу и подчиниться новой власти⁹⁴.

Главная крепость монархо-фашистского режима пала, но напряжение еще не ослабевало. Стало известно, что танковый полк механизированной бригады получил вечером 8 сентября приказ передислоцироваться в район западнее Софии и должен вот-вот проследовать по ее улицам. Чью волю будут выполнять танкисты, узнав о восстании в городе? На этот вопрос по-прежнему нельзя было дать определенный ответ. Правда, несколько облегчало положение то обстоятельство, что на помощь повстанцам прибыла, хотя и с опозданием на час, подвижная зенитная батарея. Но сможет ли она противостоять танкам?

Руководители восстания до последнего момента прилагали усилия, чтобы привлечь танковый полк на свою сторону. С этой целью вечером 8 сентября туда были направлены специальные представители БРП и Главного штаба НОПА. При поддержке офицеров-подполщиков они создали в полку инициативную антифашистскую группу, сумевшую замедлить движение танковой колонны к Софии и дать тем самым повстанцам время для овладения зданием военного министерства. Перед самым вхождением в столицу антифашистам удалось также добиться согласия командира полка оказать поддержку Отечественному фронту⁹⁵. Когда танки вступили в город, их встретили офицеры-подполщики, и, действуя от имени военного министра, перепроводили командира полка к нему за получением новых указаний. По рекомендации руководителей восстания генерал Маринов приказал танковому полку временно задержаться в Софии для охраны здания военного министерства и выполнения других неотложных задач, стоявших перед Отечественным фронтом⁹⁶. «Бронированный кулак» болгарской армии стал орудием восставших. Это устрашающе подействовало на реакционную военщину, придало вместе с тем уверенность колебавшимся офицерам.

⁹⁴ П. Илиев. Указ. соч., стр. 347.

⁹⁵ Г. Станкулов. Участието на танковия полк и на други войсковы части във въстанието. — «В бой с фашизма. 1941—1944», стр. 629.

⁹⁶ П. Вранчев. Указ. соч., стр. 632.

Развизая первоначальный успех, повстанцы приступили к захвату других важных объектов в городе — телефонной станции, телеграфа и почты, военной комендатуры, полицейских участков, складов с оружием. К 4—5 часам утра восставшие овладели почти всеми ключевыми пунктами в столице.

В это же время в здании военного министерства стали собираться члены правительства Отечественного фронта, в состав которого вошли представители БРП, БЗНС — «Пладне», политической группы «Звено», левые социал-демократы и независимые. В 6 часов 30 минут утра премьер-министр К. Георгиев, лидер «Звена», зачитал по радио Софии правительственную декларацию. В ней объявлялось о взятии Отечественным фронтом в свои руки управления страной, чтобы «спасти ее от гибели», провозглашалась главная внешнеполитическая цель — «немедленно присоединить все силы и средства к усилиям Советского Союза и его великих союзников по изгнанию немцев из Болгарии». В заявлении отмечалось также, что правительство Отечественного фронта «тотчас же приступит к выполнению программы, уже обнародованной в форме манифеста, и будет смело, неуклонно и без промедления следовать по пути обеспечения народных интересов». При этом имелось в виду обращение Национального комитета Отечественного фронта, опубликованное 30 августа 1944 г. и содержавшее общедемократические, антифашистские требования⁹⁷.

Трудящиеся Софии с восторгом приветствовали новую власть. С раннего утра 9 сентября они вышли на улицы и площади города, выражая готовность с оружием в руках поддержать ее. Вот как описывает революционный подъем в тот день в столице Е. Джурова, жена и соратница по антифашистской борьбе командира прославленной партизанской бригады «Чавдар», действовавшей в софийской зоне, Д. Джурова (ныне министр обороны НРБ). «Со всех улиц и переулков стекались люди с красными знаменами, наскоро сшитыми. На груди у многих красные гвоздики, на руках красные повязки. Всех объединял лозунг: «На Красную площадь!». Кто дал в этот день такое название площади перед советским посольством неизвестно, но оно закрепилось.

Ораторы сменяли друг друга, и речь каждого заканчивалась призывом: «Защитим молодую власть Отечественного фронта!».

На этот призыв многие тысячи людей отвечали, скандируя:

«Да-ещь о-ру-жи-е!»

Оружие для защиты нашей власти. Скоро оно стало поступать со складов, и к вечеру тысячи мужчин, женщин, юношей и девушек получили винтовки и автоматы, пистолеты и гранаты. Перед бывшими полицейскими участками, превращенными в районные штабы милиции, тянулись длинные очереди людей; каждый терпеливо ждал, когда придет его черед получить то или иное задание»⁹⁸.

Воодушевленные победой восстания в Софии болгарские антифашисты во всей стране поднялись на решающий бой. Монархо-фашистская администрация на местах, ошеломленная смелыми действиями повстанцев, деморализованная быстрым свержением центральной власти, скованная вступлением на болгарскую территорию Советской Армии, почти не оказывала сопротивления. Там, где монархо-фашисты пытались это сделать, на помощь трудящимся массам приходили партизанские отряды и патристически настроенные солдаты и офицеры. В течение 9 и 10 сентября народно-демократическая власть утвердилась в подавляющем большинстве городов и сел Болгарии. В последующие два-три дня она была установлена и в самых отдаленных районах страны.

Ее осуществляли на первых порах (до декабря 1944 г.) комитеты Отечественного фронта⁹⁹, большинство в которых принадлежало коммунистам (примерно две трети)¹⁰⁰.

⁹⁷ «Установяване и укрепване на народнодемократичната власт», стр. 45—46, 19—20.

⁹⁸ Д о б р и Е л е н а Д ж у р о в а. Мургаш. Спомени. София, 1966, стр. 781.
⁹⁹ По неполным данным, представленным народными советами в 1949—1950 гг., в начале сентября 1944 г. насчитывалось 622 комитета Отечественного фронта, в состав которых входило 3855 человек. — В. Б о н е в. О едином, народном и отечественном фронте. Перев. с болг., М., 1973, стр. 291.

¹⁰⁰ И. Р а д к о в. Комитетите на Отечествения фронт — фактически органи на местната власт непосредствено след 9 септември 1944 г. — «Исторически преглед», 1963, № 2, стр. 7.

Второе по численности место занимали представители БЗНС. Преобладающее влияние БРП здесь обуславливалось прежде всего ее многолетней, последовательной, самоотверженной борьбой с фашизмом, в защиту коренных интересов народных масс. Оно логически вытекало из руководящей роли коммунистов в народно-освободительном движении, в подготовке и проведении антифашистского восстания 9 сентября 1944 г. Определенное значение имело и то обстоятельство, что большая часть представителей нефашистской буржуазии, несмотря на все усилия БРП, так и не вошла в Отечественный фронт. К тому же БРП была единственной организованной и активной силой в Отечественном фронте с самого начала его создания. Союзники же БРП стали восстанавливать свои организации лишь после 9 сентября 1944 г.

Хотя коммунисты имели в правительстве 4 министерских поста из 16, тем не менее высокий авторитет БРП среди народных масс, а также ведущие позиции партии в комитетах Отечественного фронта обеспечивали ей возможность направлять деятельность правительства. «За нашей партией шло подавляющее большинство народа, вот почему она была решающим фактором и в правительстве»¹⁰¹.

Антифашистское восстание в стране одержало победу, но ее следовало еще упрочить и, прежде всего, срочно защитить революционные завоевания болгарских трудящихся от нараставшей внешней угрозы. К моменту образования правительства Отечественного фронта на западных и южных границах Болгарии сложилась напряженная обстановка. Наибольшую опасность представляла продолжавшаяся концентрация гитлеровских войск с большим количеством танков в Югославии, вблизи западных рубежей Болгарии. «Сосредоточить в районе Скопле—Ниш все имеющиеся силы,— гласил приказ Гитлера от 26 августа 1944 г.,— чтобы можно было действовать в зависимости от развития событий или против Болгарии, или в поддержку благоприятного для Германии хода развития событий в Болгарии»¹⁰². Руководство вермахта, как отмечалось ранее, придавало первостепенное значение удержанию в своих руках железной дороги Афины—Салоники—Ниш—Белград, по которой эвакуировались немецко-фашистские войска из Греции и с островов Эгейского моря с целью использования их для усиления обороны на будапештском и венском направлениях. В результате вступления на территорию Болгарии Советской Армии и победы в стране вооруженного восстания 9 сентября 1944 г. оголился весь восточный фланг немецко-фашистской группировки войск на Юго-Востоке Европы — от Эгейского моря до Дуная. И гитлеровское командование, стремясь восстановить его, решило начать военные действия против Болгарии.

Утром 9 сентября немецко-фашистские войска атаковали дивизии 5-й болгарской армии, отходившие с оккупированной в 1941 г. части югославской территории в Болгарию. 12 сентября гитлеровские танковые соединения вторглись в северо-западные районы страны и захватили приграничный город Кула. В бой с ними вступили партизаны и подразделения болгарской армии, воспринявшие новую власть¹⁰³. Но этого было недостаточно. С каждым часом росла опасность, что гитлеровцы с целью прикрытия важных для себя коммуникаций и предотвращения выхода к ним советских войск создадут ударную группировку из танковых и моторизованных частей и двинут ее на Софию¹⁰⁴, расположенную всего в нескольких десятках километров от западной границы страны. Реальной была также возможность нанесения гитлеровцами разрушительного удара с воздуха по болгарской столице, подобно разбойничьей бомбардировке Бухареста в конце августа 1944 г. Около 100 самолетов на аэродроме близ Салоник ждали соответствующего приказа.

Определенная военная опасность нависла над народно-демократической Болгарией и с юга, со стороны сосредоточенных во Фракии в большом количестве турецких войск. «Не исключалось,— отмечает советский военный историк М. М. Минасян.—

¹⁰¹ Т. Ж и в к о в. Отчетен доклад на ЦК БКП пред VII конгрес на партията. София, 1958, стр. 131.

¹⁰² Цит. по: С. Н о й к о в. Оттеглянето на вермахта от Балканите през 1944 г. и неговите бойни действия срещу БНА през Отечественна война (по немски источники).— «Военноисторически сборник», 1967, № 2, стр. 53.

¹⁰³ И. М а р и н о в. Указ. соч., стр. 100; Щ. А т а н а с о в. Поход на Запад. Перев. с болг. М., 1969, стр. 15—16.

¹⁰⁴ А. А. Г р е ч к о. Освободительный поход Красной Армии в Болгарию.— «Братская дружба, всестороннее сотрудничество». М., 1969, стр. 108.

что по указке англо-американских империалистов эти войска под каким-либо предлогом будут введены в Болгарию»¹⁰⁵.

Создавшаяся напряженная военная обстановка требовала от революционной Болгарии немедленного согласования с советским командованием мер по защите завоеваний народа. Необходимо было спешить, ибо в это время советские войска находились еще в 300 км от Софии и в 360—400 км от западной границы страны.

В середине дня 9 сентября Г. Димитров сообщил в Ставку Верховного Главнокомандования о готовности делегации нового болгарского правительства во главе с членом Политбюро БРП Д. Ганевым вылететь на командный пункт 3-го Украинского фронта, чтобы информировать советских военных руководителей о характере правительства Отечественного фронта и происходивших в стране событиях¹⁰⁶. Вечером того же дня по аппарату ВЧ состоялся аналогичный разговор между Г. Димитровым и командованием 3-го Украинского фронта. Г. Димитров при этом особо просил позаботиться о безопасности посланцев новой Болгарии, ибо они должны были пересечь линию фронта на болгарском самолете немецкого производства, который советские зенитчики могли по ошибке обстрелять. Предохранительные меры удалось принять своевременно. «Перелет прошел благополучно, — отмечено в воспоминаниях Маршала Советского Союза Бирюзова, — и мы радостно встретили дорогих гостей»¹⁰⁷. Ввиду того, что болгарское правительство уже порвало отношения с гитлеровской Германией, объявило ей войну и обратилось к СССР с просьбой о перемирии, Ставка Верховного Главнокомандования вечером 9 сентября дала указание командующим 3-го Украинского фронта и Черноморского флота закончить к 21 часу того же дня намеченную операцию в Болгарии, ибо цель ее была достигнута.

В состоявшихся 10 сентября 1944 г. переговорах между Военным советом 3-го Украинского фронта и болгарской делегацией ее члены по поручению своего правительства сообщили о намерении Болгарии участвовать совместно с Советской Армией в вооруженной борьбе против гитлеровской Германии и предложили послать в Софию авторитетного представителя для координации усилий болгарских и советских войск. Болгарские делегаты обрисовали напряженную военную обстановку, возникшую на западных границах страны, и просили оказать срочную помощь при обороне Софии, прежде всего авиацией.

После окончания официальных переговоров Ганев в дополнительной беседе с членами Военного совета фронта информировал их о характере правительства Отечественного фронта, подчеркнув, что, несмотря на меньшинство, коммунисты играют в нем ведущую роль. Он рассказал также об антифашистском восстании в стране, о силах партизан и положении в болгарской армии. «Д. Ганеву был знаком и болгарский генеральный штаб. Ганев без обиняков сказал, что не заметил у личного состава генерального штаба твердого намерения вступить в решительную борьбу с гитлеровцами». В заключение Ганев особо подчеркнул, что «новое болгарское правительство еще не имеет твердой гарантии своей безопасности, поскольку обстановка в стране, в частности концентрация болгарских войск в районе Софии, может быть использована реакционным офицерством для действий против правительства. Этим в свою очередь может воспользоваться германское командование. Возможность объединения внешних и внутренних реакционных сил против правительства Отечественного фронта была, на его взгляд, вполне реальной»¹⁰⁸.

Советский Союз, всегда верный принципам пролетарского интернационализма, немедленно пришел на помощь молодой революционной власти. «Вступившие на территорию Болгарии советские войска, — подчеркивает болгарский историк С. Ганев, — достойно выполнили свой интернациональный долг перед болгарскими трудящимися... В условиях продолжавшейся войны против гитлеровской Германии вооруженные силы Советского Союза ликвидировали прежде всего главную угрозу нацио-

¹⁰⁵ М. М. Минягин. Указ. соч., стр. 230.

¹⁰⁶ С. М. Штеменко. Генеральный штаб в годы второй мировой войны, кн. 2-я. М., 1973, стр. 171.

¹⁰⁷ С. С. Бирюзов. Указ. соч., стр. 183.

¹⁰⁸ С. М. Штеменко. Генеральный штаб в годы второй мировой войны, кн. 2-я, стр. 174.

нальной независимости Болгарии и революционному движению. Эта серьезная угроза исходила от значительных военных сил Германии»¹⁰⁹.

Уже 11 сентября 1944 г. командующий 17-й воздушной армией генерал В. А. Судец (ныне маршал авиации) вылетел во главе оперативной группы своего штаба в Софию с целью подготовить переброску туда авиационных частей армии, начавшуюся 13 сентября. А 14 сентября советские летчики, взаимодействуя с частями ВВС болгарской армии, приступили к выполнению боевых задач, поддерживая болгарские войска, сражавшиеся к северо-западу от Софии у Пирота, и нанеся бомбовые удары по гитлеровским коммуникациям в Югославии и Греции. Революционная столица Болгарии была надежно прикрыта с воздуха. В развернувшихся боях немецко-фашистские полчища понесли крупные потери от совместных ударов советской авиации и болгарских войск и были вынуждены отказаться от наступления на Софию¹¹⁰.

Одновременно с переброской в район Софии частей 17-й воздушной армии туда же по распоряжению Ставки Верховного Главнокомандования с 13 сентября начал передвигаться 37-й корпус 57-й армии, занявший к 18 сентября позиции к северо-западу и юго-западу от города. Охваченные революционным энтузиазмом трудящиеся Софии радостно встречали советских воинов. Их засыпали цветами, приглашали в гости, всюду возникали стихийные митинги. У Софийского университета стояла специально воздвигнутая, увитая зеленью триумфальная арка, по обеим сторонам которой развевались советский и болгарский флаги. Крупными буквами на ней было написано: «Добро пожаловать, освободители!»¹¹¹

14 сентября в Софию прибыл генерал Бирюзов для координации действий советских и болгарских войск. «Уважая национальные чувства своих болгарских друзей,— писал он,— мы установили такой порядок, при котором никоим образом не подменялось их собственное командование. Мы лишь помогали ему организовать действия болгарских войск согласно общим задачам фронта. Письменных приказов от нас не исходило. Их заменяло личное общение с руководителями болгарской армии... Дружба между советскими и болгарскими войсками сразу же пустила еще более глубокие корни»¹¹².

20 сентября 1944 г. последовала новая директива Ставки Верховного Главнокомандования, согласно которой два корпуса 57-й армии выдвигались к болгаро-югославской границе для участия совместно с болгарскими частями и Народно-освободительной армией Югославии в операции по освобождению Белграда. В соответствии с тем же указанием Ставки 37-я армия и 4-й гвардейский механизированный корпус должны были выйти в южные районы страны и расположиться неподалеку от болгаротурецкой границы, прикрыв народно-демократическую Болгарию и южный фланг советских войск от всяких неожиданностей со стороны Турции¹¹³.

В результате быстро осуществленных молодой народно-демократической властью и советским командованием мероприятий революционные завоевания болгарского народа были надежно защищены. Открылась благоприятная перспектива для дальнейших политических и социально-экономических преобразований в стране.

Вооруженное восстание 9 сентября 1944 г., завершившее длительную и тяжелую борьбу болгарского народа против фашизма, стало «новой вехой в развитии мирового революционного процесса»¹¹⁴. Эта борьба увенчалась успехом потому, что ею руководил один из передовых, закаленных отрядов мирового коммунистического движения — Болгарская коммунистическая партия, умело использовавшая для решающего революционного штурма благоприятные условия, созданные победоносным наступлением Советской Армии на Балканах. «Во всей истории болгарского народа нет события более великого, более значительного по своим глубоким последствиям, чем народная победа 9 сентября 1944 г. 9 сентября болгарский народ под руководством коммунистической партии при решающей помощи великой Советской Армии сверг монархо-фашистскую власть и твердо и бесповоротно вступил на путь социалистического развития,

¹⁰⁹ С. Т а н е в. Указ. соч., стр. 66—67.

¹¹⁰ В. А. С у д е ц. Освобождение Болгарии. — «Новое время», 1969, № 36, стр. 6.

¹¹¹ А. А. Г р е ч к о. Указ. соч., стр. 110.

¹¹² С. С. Б и р ю з о в. Указ. соч., стр. 201.

¹¹³ М. М. М и н а с я н. Указ. соч., стр. 232.

¹¹⁴ Л. И. Б р е ж н е в. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 2. М., 1970, стр. 448.

стал верным членом великого семейства социалистических стран, нераздельной частью мировой социалистической системы»¹¹⁵.

За прошедшие после 9 сентября 1944 г. 30 лет болгарский народ добился огромных достижений в строительстве новой жизни. «Успехи социалистической революции в Болгарии являются ярким примером величия и творческой мощи ленинизма, который в лице болгарских коммунистов, тесно сплотивших вокруг себя весь трудовой народ, нашел своих верных и принципиальных последователей»¹¹⁶. Вместе с трудящимися Народной Республики Болгарии славный революционный юбилей — 30-летие победы Сентябрьского восстания 1944 г. — широко отмечает и советский народ, народы других братских социалистических стран, все, кто борется за торжество социализма и коммунизма.

---

¹¹⁵ Т. Ж и в к о в. Избранные речи, доклады и статьи, т. 5. София, 1965, стр. 33.

¹¹⁶ Л. И. Б р е ж н е в. Ленинским курсом. Речь и статьи, т. 2, стр. 452.